

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ТЕУА LOVE

ТРЕКРАСНОЕ
ТОРОЖНОЕ
АНГЕЛЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Поколение Сансет Стрип

Тея Лав

Прекрасные порочные ангелы

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Лав Т.

Прекрасные порочные ангелы / Т. Лав — «ЛитРес: Самиздат»,
2016 — (Поколение Сансет Стрип)

Она была ангелом для мамы, идеалом для отца. Но одна ошибка обрушила на нее их гнев, изменила привычную жизнь. Но эта же ошибка открыла двери ее золотой клетки. Свобода — такое сладкое слово. В ее пределах она встречается его. Парня, который так не похож на "ошибку". "Ты должна быть с нами. Настоящая жизнь начинается в 17:29". Переиздание романа "17:29"! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Трек	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	51
Глава 10	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Трек

-
лист
:

Hollywood Undead «Usual Suspects»
Hollywood Undead «How We Roll»
Lady Gaga «Heavy Metal Lover»
Hollywood Undead «Rain»
Tokio Hotel «Masquerade»
Hollywood Undead «War Child»
Rihanna Ft. Nicole Scherzinger «Winning Women»
Lana Del Rey «Gods & Monsters»
Hollywood Undead «Undead»

«Если поколение имеет свободу, то оно вместе с тем как бы получает право на само-разрушение»

– Джим Моррисон

Пролог

Линдси

Вой сирен, сигналы машин, крики людей.

Запах дыма забрался мне в ноздри и заблокировал пути для дыхания. Я снова падаю на колени и начинаю беспрерывно кашлять и искать губами свежий воздух, которого просто нет. Дым мешает разглядеть что-либо. Я ползу на ощупь подальше от воя сирен. Главное не попасться. Все колени разбиты, и последнее, о чем я сейчас думаю, это физическая боль. Продолжая ползти, я то и дело натываюсь на кого-нибудь или на что-нибудь, но никому нет до меня дела.

Хаос. Паника, что разворачивается вокруг меня кажется мне просто нереальностью. Будто я надела очки виртуальной реальности.

Мне нужно убираться отсюда. Мне нужно найти его. И я отказываюсь верить в то, что он как-то причастен к этому безумию.

Я продолжаю ползти вслепую. На шее болтается лоскут, который давно уже слетел с лица. Остановившись, я покрываю себя таким матом, что сама удивляюсь, откуда я знаю такие слова. Закрыв нижнюю часть лица, я внезапно слышу его голос. Он зовет меня по имени и могу точно сказать, что он напуган.

– Сюда, – едва слышно зову я, потому что боюсь крикнуть громко.

Он появляется из облака дыма.

Склонившись надо мной, он откидывает капюшон своей толстовки. На его лице тоже бандана, и я вижу в темных глазах страх.

– Господи, я так перепугался.

– Я в порядке.

– У тебя кровь. – Его руки исследуют мои ноги. – Иди сюда. Нужно уходить.

Без слов я обхватываю его шею, когда он поднимает меня и несет куда-то. Его близость притупляет все: страх, боль. Я слышу громкую музыку, и по мере приближения, она становится громче.

– Что за хрень здесь происходит?

«Undead» рвет колонки старого ржавого «Кадиллака». Они специально подобрали такую песню для этого хаоса?

– Они здесь. – Вместо ответа кричит кто-то водителю.

Музыка не умолкает, когда мы подходим ближе к машине. Нам открывают заднюю дверь. Прежде чем, он успеет меня туда впихнуть, я останавливаю его вопросом:

– Зачем ты это сделал, Иэн? Зачем?

Он замирает и смотрит на меня. В его глазах смятение. Вижу, как начинает шевелиться бандана под его губами, когда он отвечает:

– Я не делал этого, Линдси.

Глава 1

Линдси

Восемь месяцев назад

– М-м... ты уже проснулась?

Чувствую, как теплые губы оставляют влажные следы на внутренней стороне моих бедер. Они медленно пробираются туда, где уже скапливается, несмотря на все еще сонное состояние, огромное желание.

– Уже да, – шепчу я.

Вибрация, которая сотрясает тело, развалившееся между моих ног, говорит о том, что Николас смеется.

Мои глаза все еще закрыты. Руками я нахожу его волосы и запускаю в них пальцы. Из горла вырывается стон, когда язык Николаса погружается в меня. Он исследует языком мое лоно, сначала нежно и осторожно, затем яростно и жадно. Я кричу, не сдерживаясь, и обмякаю.

Открыв глаза, я вижу красивое, мужественное и самодовольное лицо. Он склоняется надо мной, опираясь на сильные руки.

– Доброе утро. – На его лице расплывается очаровательная улыбка, которая делает его моложе лет на десять.

– Доброе утро, – мурлычу я и тянусь к его губам, на которых мой собственный вкус.

Он страстно отвечает и одной рукой гладит мое лицо.

– Мне пора, котенок, – со стоном оторвавшись от моих губ, говорит Николас. – У меня две встречи и важная конференция.

– Ты вернешься сегодня?

Он думает, прикидывая, сможет ли снова улизнуть от жены и провести ночь с любовницей. Хотя слово «улизнуть» никак не вяжется с нынешним положением вещей. Всем давно известно, что богатый наследник одной из крупнейших строительных компаний Калифорнии Николас Эллиот, спит с дочерью влиятельного инвестора.

– Думаю, мне стоит остаться дома с Доминик. Завтра прилетает отец.

Всем своим видом я выражаю сожаление, хотя на самом деле даже рада, что могу побыть одна. Хотя в большинстве случаев я всегда одна. Но это то, что действительно делает меня счастливой. На данный момент.

– Он не приедет сюда, Линдси, – нежно говорит Николас и снова целует меня.

Мне абсолютно все равно, явится сюда его отец или нет. Все что я уже должна была о себе услышать, я услышала. Я малолетняя шлюха, которая соблазнила женатого мужика и увела из семьи.

Ага. Это все я.

На самом деле Николас не ушел от своей жены. Она спокойно живет в их фамильном особняке за городом. А то, что муж ей изменяет... да кого это колышет? Могу с точностью сказать, что у нее и своих любовников полно. Единственное, что держит их брак – это отец Николаса. Когда-то он устроил их брак на расчетливой основе, что случается почти постоянно среди таких людей, как они.

Точнее, как мы.

Я тоже из «элиты», но опозорила свою семью и была изгнана из рая.

– Хорошо, – говорю я, подыгрывая тому, что я якобы боюсь его отца.

– Хорошо, – повторяет он и встает с постели.

Я приподнимаюсь на локтях и разглядываю его обнаженное тело. В ноябре Николасу исполнится тридцать девять. Его сильное подтянутое тело говорит о том, что он немало тратит времени на спортзал.

Он открывает комод и достает чистые боксеры. Прежде чем их надеть, он поворачивается лицом ко мне и демонстрирует свое достоинство.

– Ты точно хочешь ехать с *этим*, — с улыбкой спрашиваю я. Ведь я-то свое уже получила.

– Если я вернусь в постель сейчас, я не смогу оторваться от тебя как минимум пару часов.

А я спешу. — Он прячет эрекцию в трусы и надевает брюки.

– Что ж, — я пожимаю плечами. — Подождем до завтра. Ну, если ты не захочешь, конечно, исполнить супружеский долг.

Николас снова поворачивается ко мне, уже одетый в белоснежную рубашку. Его лицо изучает мое и ищет в нем ревность.

Но ее там нет. Мне не все равно, если он найдет другую, но мне все равно, если он будет спать с Доминик. Она его жена, и я не имею права ревновать. Я не уводила его из семьи и не собираюсь. Можно смело сказать, что я им пользуюсь, но и он пользуется мной.

– Ты хочешь этого? — прищурился голубые глаза, спрашивает он.

Я откидываюсь на подушку и вдыхаю аромат простыней, которые пропитались нашими запахами. Не могу смотреть ему в глаза и врать. Я не такая как он. Хотя стараюсь.

– Не хочу.

Похоже, он верит мне, потому что в следующую секунду его сильное мужское тело наваливается на меня сверху. Руки снова ползут по телу.

– Я хочу быть только в тебе и ни в ком другом, — серьезно говорит он, глядя в глаза. — Три года я трахал свою жену и других женщин, представляя тебя. Черт, да даже когда я удовлетворял себя, я представлял твою тугую и теплую киску. Линдси, ты моя.

Все что он говорит, имеет смысл. Три года назад, я впервые отдалась ему, и он не спускал с меня глаз. Он следил за каждым моим движением, он стал работать с моим отцом, только ради меня, хотя его отец и мой терпеть не могли друг друга. Более того, они были и остаются заклятыми врагами.

И вот теперь я снова с ним, но уже на других условиях, и я не хочу потерять его. Он нужен мне сейчас. Не потому что я люблю его, а потому что у меня больше ничего нет.

– Твоя, — говорю я и облизываю губы.

Николас судорожно вздыхает и резко поднимается с постели.

– Я приеду завтра. Не шали без меня, котенок.

Я игриво мяукаю и заползаю под одеяло. Затем слышу его смех и звук закрывающейся двери.

Когда становится совсем нечем дышать, я выбираюсь из-под одеяла. Спать мне уже не хочется, хотя я поспала буквально часа четыре. Николас даже во сне может заниматься сексом, он привык к активному образу жизни и недосыпанию.

Ну а я всего лишь три месяца веду пассивный образ жизни. Я как растение, которое часто поливают и обрабатывают, и оно цветет, радуя глаз.

Встав с постели, я накидываю на голое тело легкий шелковый халат и иду на кухню. Огромные окна от пола до потолка представляют панорамный вид на город. Высокие потолки и окна обеспечивают изобилие света по всей квартире. Сейчас она для меня убежище в винтажном стиле. На гранитном кухонном островке меня ждет горячий кофе. Прежде чем разбудить меня языком, Николас принял душ и заварил кофе. Я никогда не встаю раньше него.

Не знаю, будет ли это отговоркой, но раньше я никогда не валялась в постели до восьми утра, и сейчас просто наслаждаюсь этим.

Я наполняю небольшую чашку, добавляю взбитые сливки и посыпаю корицей. Чудесный аромат. Выхожу на большой балкон и смотрю на пробуждение столицы штата. Теплые лучи

июльского солнца приятно согревают кожу. Отсюда мне виден Капитолий штата Калифорния, и, если честно, он наводит на меня тоску.

В отличие от Сан-Франциско или Лос-Анджелеса, Сокраменто слишком скучен. Хотя я выросла именно здесь, я всегда хотела сбежать. Даже когда я стала жить под крылом Николаса, я просила его снять квартиру в Сан-Франциско. Мне не хотелось жить здесь не только из-за скандала, мне нужен был другой воздух.

Но Николас убедил меня остаться здесь. Его агентство в Сокраменто и ему не хотелось каждый раз летать в другой город, чтобы увидеться со мной.

Я приняла это. Приняла, потому что не люблю устраивать сцен. Пусть все будет так, как есть. Но это не значит, что я смирилась. Это значит, что, несмотря на то, что мне всего девятнадцать, я женщина. Которая поступает мудро.

Двадцать мне исполнится на следующей неделе. Николас обещал отвезти меня в Сан-Франциско, где мы сможем гулять по берегу залива и любоваться видом на Золотые ворота. Я хочу за ночь обойти как можно больше баров, разбросанных по улицам Марино и не думать о том, что я никто.

Три месяца я сижу словно в золотой клетке. Три месяца я не видела родителей, которые сказали мне, что не хотят больше знать меня. Что я разочаровала их. Видеть в их глазах разочарование было для меня подобно самоубийству. Всю свою жизнь я была лучшей во всем: фехтование, языки, изобразительное искусство. В школе я выигрывала различные конкурсы по вокалу, танцам и даже литературе. Я была лучшей во всем. Окончив школу, я не уехала из Сокраменто. Родители предложили мне дистанционную учебу в Йельском университете по программе естественных наук. Я была расстроена, но не стала им перечить. Здесь я продолжала усиленно совершенствоваться и получать образование онлайн.

Всему пришел конец.

Из золотой девочки я превратилась в шлюху и позорное пятно. Единственный кто от меня не отвернулся, это Николас. Но я до сих пор считаю, что это связано с тем, что скандал случился именно из-за него. Ему просто не хватило наглости отшвырнуть меня, как и прочие. И плюс ко всему, я оказалась зависимой от него, молодой, привлекательной любовницей. Но все слова, что он мне говорит – правда. Я верю ему, потому что больше мне ничего не остается.

Из воспоминаний меня вырывает звонок мобильного телефона. Я прохожу в просторную гостиную и беру телефон с кофейного столика. Каждый звонок заставляет меня дрожать. Мне никто не звонит, кроме Николаса. Я потеряла всех друзей и родственников. Мои аккаунты были удалены родителями, не желавшими, чтобы кто-то писал мне или обо мне.

Ей богу, я будто убила президента.

– Алло? – говорю с вопросом, ожидая ответа.

– Ты снова не сохранила мой номер, так? – Когда слышу знакомый голос, я мометально расслабляюсь.

– Эллис, прости. Все время вылетает из головы.

Эллис – мой стилист, массажист и косметолог. Проще говоря, он полирует меня для моего любовника, чтобы я совсем не зачахла от скуки. Эллис знает мою историю и ему все равно. Неужели в городе мало молодых девушек, которые спят с богатыми мужиками?

– Я знаю, у нас запланировано на вторник, в день твоего рождения. Но я подумал, что и сегодня тебе не помешает хорошенький массаж, бокал бургундского вина и хорошая компания. Просто у меня выходной, но я все равно притащился в салон и схожу с ума от скуки.

Я смеюсь. Эллис из тех людей, которые любят свою работу и совершенно не умеют от нее отдыхать.

– С удовольствием, милый. Когда мне приезжать?

– Мчись как можно быстрее, детка, – бодро отвечает он.

Я нажимаю отбой и смотрю на часы. Почти девять. Набираю номер Грэга, моего водителя и телохранителя, предоставленного в мое полное распоряжение, и говорю ему ожидать меня через двадцать минут у дома.

В ванной я привожу себя немного в порядок. Карамельного цвета волосы спутались со сна, и я по старой привычке тщательно их расчесываю. Надеваю свободное кружевное платье и солнцезащитные очки. За эти три месяца мой стиль здорово изменился и, несмотря на плачевность моего положения, я чувствую себя немного свободной. По крайней мере, в одежде. Теперь я могу носить футболки с принтами любимых рок-групп, смело надевать кеды и косухи. Мама не запрещала, но всегда считала такой стиль неуместным для меня. И я как послушная дочь внимала ее советам.

Николасу же нравится моя экстравагантность, – сочетание хорошей и плохой девочки. Сегодня я хорошая, поэтому надеваю платье и спускаюсь к машине.

Мне скоро двадцать, я сплю с взрослым мужчиной, родители не хотят меня знать. Но это не самое страшное, что может случиться.

Как и обещал, Николас вернулся на следующий день. Он застал меня на балконе в одной майке и с сигаретой в руках. Сигарета – это еще одна вещь, которая испортила меня. Но я не заядлый курильщик. Я могу покурить тонкую дамскую Malboro только когда выпадаю в некий ступор. Эта та фаза опьянения без алкоголя, в которой чувствуешь себя властелином.

Он побранил меня, но мягко и с улыбкой. Я спросила его об отце, и лицо Николаса изменилось.

– Не будем о нем, котенок. Просто поцелуй меня.

Что я и сделала и много еще чего, что я всегда для него делала. Не потому что была вынуждена или обязана. Просто потому что хотела сама. В такие моменты я перестаю себя чувствовать дешевой.

В день своего двадцатилетия я еду к Эллису, который делает из меня просто голливудскую диву. Мои длинные и густые волосы он уложил в ретро-прическу классики пин-апа и сделал их ярче, придав им медный оттенок. Яркие черные стрелки и сочная яркая помада делают меня старше, что совсем не плохо.

– Даже не знаю, кто ты сегодня, детка, – закатывая темные глаза, говорит Эллис. – Плохая девочка или милая кокетка.

Я улыбаюсь и подхожу к зеркалу, чтобы разглядеть платье, которое он выбрал для поездки в Сан-Франциско. Оно в тон к моим волосам, но чуточку светлее. Пояс с высокой талией подчеркивает удобу.

– Я похожа на... – слова застревают в горле. Я не знаю, кто я.

– Ты загадка, которую можно разгадывать вечность, – тихо говорит Эллис.

Повернувшись к нему на каблуках, я лгну к его груди и говорю «спасибо». Через две минуты мне приходит сообщение, что машина уже ждет меня. Я горячо прощаюсь с ребятами из салона и выхожу на улицу. Прямо у дверей меня ждет Грэг. Он распахивает передо мной заднюю дверь черного «бентли», и я юркаю в машину.

– Ты такая красивая, – говорит мне Николас, осматривая мой наряд. – С днем рождения.

– Ты поздравлял меня с полуночи почти до самого утра, – шепчу ему в ухо.

Он сжимает мою руку в своих ладонях и вдыхает. Я замечаю, что что-то не так. Он одет в тот же костюм, что и утром, когда уходил на работу. Я смотрю в окно и вижу, что Грэг ведет машину не в сторону аэропорта.

– Тебе нужно сменить костюм? – спрашиваю я.

Николас поворачивает свое лицо ко мне. Оно для меня как открытая книга. Он намного старше и опытнее, но я знаю его. Очень хорошо.

– Что случилось?

Обеими руками он проводит по своим темно-русским коротким волосам и выдавливает улыбку.

– Мы поговорим об этом дома.

Его тон меня раздражает. Мне не нравится, когда он пытается вести себя со мной как с маленькой девочкой. Будто его фальшивая улыбка успокоит меня.

– Ты бы мог сразу сказать, что мы никуда не летим. – Это я уже поняла. – Не стоило на это, – я указываю на прическу и платье, – тратить время.

– Сегодня твой день рождения, – спокойно отвечает он. – Ты должна быть красивой.

– Даже если придется слушать плохие новости?

– Прости, что сегодня. Все получилось не так, как я хотел.

– Почему ты не мог подождать до завтра?

Возможно, я веду себя как стерва. Но мне так хотелось провести этот день вне дома.

– Я бы не смог... притворяться, что все хорошо.

Он прав. Я почувствовала это сразу, как села в машину. Вряд ли эта ночь получилась бы шикарной.

Так что, хрен на мой двадцатый день рождения!

Поднявшись в квартиру, я чувствую огромный груз. Что он скажет сейчас? Что он бросит меня?

– Говори все сразу, Николас. – Я бросаю сумочку на обитый светлым бархатом угловой диван в гостиной и разворачиваюсь на каблуках. – Ничего лишнего.

Он смотрит на мои ноги и грудь. Я знаю, ему всегда хочется прикоснуться ко мне, но сейчас он не может этого сделать.

– Доминик беременна.

До меня не сразу это доходит. Его жена долгие годы пыталась лечить свое бесплодие, но все тщетно.

– Это твой ребенок? – выпаливаю я.

Он знает, что она тоже ему изменяет. И я не хотела, чтобы вопрос намекал на это. Но по всему видимому, Николас понимает его не так. Он слышит в моем вопросе ревность.

– Линдси. – Он делает шаг. – Я...мне приходилось, она моя жена. Но я думал о тебе.

Черт! Он серьезно?

– Я не ревную, – честно отвечаю я.

Он не верит и качает головой.

– Она нашла доктора. Мы столько лет пытались. Ведь я здоров. Я не знаю, как быть.

– Ты будешь хорошим папой, – говорю я. И я искренна в своих словах. Лучше поздно, чем никогда.

– Это еще не все, – говорит он с болью.

Я уже понимаю, что должна оставить его или он все же купит мне квартиру в другом городе, как я и хотела.

– Продолжай.

– Отец переписал завещание. Я и моя семья останется без цента, если я не оставлю тебя.

Если бы его любовницей оказалась любая другая девушка. Любая, но не я, то его отец даже не обращал бы на это внимания. Но это оказалась я, дочь его худшего врага и он всеми силами пытается избавиться сына от меня как от чумы.

Наконец, он нашел то, чем может шантажировать своего сына. Это компания. А для Николаса это вся его жизнь. Эллиот старший выбрал подходящее время, когда его невестка

наконец-то забеременела. Могу представить, как он надавил на Николаса. И ему пришлось сдаться. И я не собираюсь стоять на его пути.

– Тогда тебе придется сделать это. – Мой голос спокоен, хотя внутри паника.

Куда мне идти? Где мне взять денег? Хотя без последнего, я уверена, Николас меня не оставит, но сомневаюсь, что у меня хватит наглости их взять.

Но разве есть у меня выбор?

– Судя по твоему лицу, ты прикидываешь всевозможные варианты. – Николас подходит ко мне вплотную и берет мое лицо в свои руки. – Я не оставлю тебя вот так. Ты же понимаешь это?

Я пытаюсь улыбнуться и киваю. Конечно, знаю.

– Не хочу отпускать тебя, – продолжает он. – Ты нужна мне. Я люблю тебя.

Мне приятно это слышать, но мое сердце молчит. Чтобы не отвечать, я хватаю его за лацканы и притягиваю к себе. Он наклоняется настолько, чтобы поцеловать меня.

– Все хорошо, – после поцелуя говорю я.

– Нет, Линси. – Николас смотрит серьезно. – Не хорошо. Ты должна вернуться домой. К родителям.

Мне хочется рассмеяться и расплакаться одновременно. Пока я решаю, что из этого сделать, он продолжает:

– Я связался с твоим отцом. Он согласился встретиться со мной и знает, что речь пойдет о тебе. Ты знаешь, чем мне это грозит.

Мое горло сжимается. Я отхожу от него на пару шагов.

– Что ты сделал? – почти шепчу я.

Меня не волнует, что ради меня он рискует еще больше. Встреча с моим отцом может грозить ему не только потерей компании.

– Котенок...

– Зачем. Ты. Это. Сделал?

– Куда ты пойдешь? Что ты будешь делать? Я не могу всю жизнь опекать тебя. Даже на расстоянии. Линси, ты должна вернуться.

Его предательство подкашивает мои ноги. Я падаю на диван и закрываю лицо.

– Вот каким способом ты хочешь избавиться от меня.

Николас тут же оказывается на коленях у моих ног.

– Посмотри на меня. – Он убирает мои руки и хватается за подбородок. – Я не хочу избавляться от тебя. Я хочу, чтобы у тебя снова была семья. Как же ты не понимаешь?

Но я помню последние слова отца, помню последний взгляд матери. Они смотрели так, будто я не их дочь. Будто я никто... пустышка, шлюха...

Я начинаю плакать и качать головой. Я не хотела устраивать сцен, но не желаю возвращаться. Не хочу видеть в их глазах то, что видела.

– Девочка моя. – Николас целует мое лицо, слизывая слезы. – Не плачь. Прости меня. Прости, но ты должна понять.

Он целует и целует, и вскоре я начинаю отвечать. Потому что хочу снова забыться в его опытных руках. Хочу почувствовать себя любимой, хотя знаю это не так. Он не любит меня по-настоящему. Я привлекаю его, даю стимул как мужчине.

Губы Николаса уже смыкаются на моем соске. Он снимает с меня платье, и я раздвигаю шире ноги, продолжая сидеть на диване. Николас стоит на коленях между моих ног и, оставив в покое мою грудь, с восхищением смотрит на меня всю. На мне черное кружевное белье и чулки. Я поднимаю руки и взбиваю дорожную прическу. Рыжие пряди волнами падают на мои плечи.

– Боже... – шепчет он и судорожно расстегивает пиджак. – Эта ночь должна была быть другой.

– Не говори больше об этом. – Я помогаю ему снять рубашку и брюки.

Мне все еще больно, и я считаю это предательством, но я позволяю ему снова и снова обладать мной прямо на полу гостиной. Я отдаюсь ему со всей страстью, на которую способна, потому что знаю, что это последний раз, когда он касается меня.

Глава 2

Линдси

Пальцы моих ног касаются холодного пола. Я осторожно убираю руку Николаса со своей талии и поднимаюсь с кровати.

Мы уснули совсем недавно, перебравшись из гостиной в спальню. Точнее, уснул он. Я не сомкнула глаз, пару часов слушая его размеренное дыхание. Я уже решила, что сделаю. Потому что просто не могу вернуться к родителям. В голове, словно заевшая пластинка, крутятся слова Николаса. Мой отец согласился встретиться с ним. Это значит, они с мамой уже решили, что со мной делать.

Стараясь не шуметь, я на цыпочках иду в гардеробную и включаю там свет, закрыв за собой дверь. Здесь столько вещей, и нет ни одной из тех, что я носила раньше. Здесь нет ни одной вещицы, которую не купил бы мне Николас. Но я не собираюсь сейчас строить из себя фифу. Не могу же я уйти голой.

Я надеваю потертые джинсы, толстовку с американским флагом и кеды. Без косметики я выгляжу даже моложе своих двадцати, так что не стоит даже пытаться наложить макияж. Да и он ни к чему. В самом нижнем ящике встроенного комода находится единственное, что принадлежит мне. Я открываю ящик и достаю маленькую черную коробочку. В ней сережки из белого золота с настоящими сапфирами. Бабушка подарила мне их, когда мне исполнилось шестнадцать. Это единственное, что я взяла с собой из прошлой жизни.

Запихнув коробочку в карман толстовки, я тихо выхожу из гардеробной. Николас спит, положив одну руку на живот. Несколько секунд я люблюсь этим мужчиной, который действительно хочет помочь мне. Но сейчас я не готова принять от него помощь. Мне не тяжело оставлять его, мое сердце до сих пор молчит. Но я буду скучать.

Багровые лучи поднимающегося солнца освещают комнату. Я четко вижу каждый мускул его мужественного и совершенного тела. Он сделал мне много добра, но я не могу сейчас поблагодарить его за это. Рискуя всем, я подхожу к кровати и оставляю легкий поцелуй на его торсе. Почти незаметный. Если я поцелую его в щеку, он почувствует мой запах и проснется.

В гостиной я нахожу свою сумочку и секунду подумав, беру немного наличных. Они мне нужны на первое время, пока не продам серьги.

Грэга нет, потому что Николас отправил его домой вчера вечером. Я могу лишь опасаться, что меня узнает швейцар. Промчавшись через лобби, спешу к выходу. Не думаю, что меня узнали служащие, иначе бы остановили. Когда я оказываюсь на улице и вдыхаю утреннюю прохладу, меня начинает колотить. Легкий мандраж постепенно перерастает в настоящую панику. Куда мне идти? Кому я нужна? Как же я буду жить?

Я оглядываюсь и снова прячу волосы под капюшон. Руки ничем не заняты, и я прячу их в карманы. Я даже не знаю, как добраться до окраины города и снять номер в каком-нибудь мотеле. Всю мою жизнь меня возили на машине и сопровождали, и я даже толком не знаю родной город. Стараюсь дышать часто-часто, и постепенно паника отступает.

– Все хорошо, – говорю себе. – Ты справишься.

Я справлюсь. Я столько всего знаю и умею. Ведь я смогу пользоваться своими умениями, например, устроиться куда-нибудь. Это только сейчас все кажется таким ужасным. Но постепенно смогу привыкнуть и адаптироваться. С другой стороны, это важный жизненный урок. Я обязана его усвоить.

После нескольких часов блужданий, я все же сажусь на городской автобус и еду в менее оживленный район. Неприметный мотель с вызывающей вывеской в тени пальм привлекает мое внимание, когда я брожу и заглядываюсь на магазины.

Наличных едва хватает, чтобы снять номер на ночь. Значит, завтра мне нужно будет срочно найти ломбард и продать серьги. Ну а сегодня остаться без еды.

Войдя в номер, я подумала, что попала на другую планету. Я никогда не бывала в таких маленьких с низкими потолками комнатах. Я плюхаюсь на небольшую кровать, и мне в ноздри ударяет запах хлорки. Почему-то это вызывает у меня улыбку. Мне даже не хочется есть, несмотря на то, что с утра я даже не выпила кофе. Просто лежу, смотрю на отделанный старой древесной панелью потолок. Под медленное и скрипучее движение потолочного вентилятора, я медленно начинаю погружаться в сон. Сейчас сон для меня наилучший вариант.

Меня будит стук в дверь. Распахнув глаза, я соскакиваю с кровати и не сразу соображаю, где нахожусь. А когда вспоминаю, сердце начинает больно стучать о грудную клетку.

Кто это может быть?

Я тихо подхожу к двери, но здесь нет даже глазка, чтобы взглянуть. Стук раздается снова, прямо у меня перед лицом, и от неожиданности я отскакиваю. Кусая губы, начинаю метаться по комнате. Окно выходит на задние дворы мотеля, и вряд ли я смогу найти место, куда можно будет приземлиться на безопасное место.

– Линдси, я знаю, что ты там. Открой мне двери.

Этот голос принадлежит Николасу. Я усмехаюсь и закрываю глаза. Сейчас я понимаю, что вела себя слишком наивно, предполагая, что смогу сбежать.

– Уходи, – сдавлено говорю я и подхожу к двери.

За дверью слышен какой-то шорох. Наверняка, он не один. Однако мало ему понадобилось времени, чтобы найти меня. Нужно отдать ему должное.

– Котенок, – почти шепчет Николас. – Прошу тебя открой. Открой. Я ведь все равно войду.

Естественно, он войдет. Это лишь вопрос времени. Да и снаружи у окна, меня наверняка караулят его люди. Поняв, что проиграла и снова оказалась в его руках, я распахиваю дверь.

Прямо на меня смотрят глаза цвета стали. Эта сталь, только в жидком виде еще и течет по его венам.

По венам моего отца. Я не видела его три месяца, и сейчас глядя на него снизу вверх, испытываю то же благоговение, что и чувствовала всегда.

Мой отец уже немолод. Если сказать прямо, он бы мог согдаться мне в дедушки. Я была поздним ребенком. Моя мама чуть не лишилась жизни, производя меня на свет. Ей было сорок два. У меня был старший брат, которого я не знала. Он разбился на машине еще до моего рождения. Если бы он остался жив, меня бы сейчас не было.

Мои родители растили меня как тепличный цветок, и я никогда не подводила их. Одна ошибка выбросила меня из их жизни. Мне было больно и обидно, когда папа не стал даже смотреть на меня. Столько лет они вкладывали в меня все, а потом так легко отпустили.

– Папа. – Мой голос мне не принадлежит.

Он, не отрываясь, смотрит мне в глаза. На его испещренном глубокими морщинами лице читается безразличие. Раньше он никогда так на меня не смотрел. Папины волосы белы как мел. Впрочем, он уже давно поседел и мне нравился этот цвет. Он его не старит. Напротив – подчеркивает его достоинство и благородство.

Позади него я замечаю другую фигуру. Когда встречаюсь с глазами Николаса, мое сердце заполняет ненависть. Он не должен был так поступать со мной. Он видит это, и голубые кристаллы заполняются болью. Но мне абсолютно на это наплевать. Я вижу, что он хочет протянуть мне руку, но невидимая сила моего отца не дает ему этого сделать.

– Идем, – говорит отец.

Нет смысла спорить. У меня нет выбора. Забирать из комнаты нечего, потому что у меня есть только серьги и они лежат в кармане толстовки. Я просто выхожу из номера и иду следом за отцом.

– Линдси. – Николас осторожно пытается взять меня за руку, когда мы оказываемся позади отца.

Я вырываю руку и иду быстрее. Он не был обязан обеспечивать меня и, по сути, он ничего не должен. Сейчас я веду себя неразумно, но страх перед отцом ничто по сравнению с доводами рассудка.

– Я благодарен тебе, Николас, – говорит отец, когда мы подходим к машине.

Водитель распахивает передо мной дверь.

– Мистер Плэйт, – подает голос Николас. – Могу я с ней попрощаться?

Он говорит так, словно меня везут на казнь. Что ж, возможно, так и есть. Я не хочу с ним попрощаться и бросаю на него последний взгляд.

– Езжай к своей жене, – говорит ему отец. – Ты станешь отцом, и возможно, поймешь каково это. И не рискуй. Не нужно, чтобы твой отец знал.

Взглядом он приказывает мне сесть. И я забираюсь на заднее сиденье «Мерседеса». Отец садится рядом, и я скукоживаюсь до минимальных размеров. Он молчит всю дорогу, а я просто не знаю, что сказать.

– Поживешь за городом, – вдруг говорит он. – Мама там.

Я чувствую на себе его взгляд и решаюсь повернуться.

– Папа...

– Не нужно. – Он поправляет пиджак и садится удобнее. Спустя несколько минут он снова говорит: – Все будет хорошо.

Первый порыв мамы – это броситься ко мне. Но она сдерживает себя. Она рассматривает мой уличный наряд и морщит нос. Ее волосы светлой карамели уложены на макушке, и она выглядит... впрочем, как всегда – слишком консервативно.

– Прими душ. Ты голодна?

Я киваю.

– Хлоя принесет ужин в твою комнату.

– Спасибо.

– Можешь идти.

Я плетусь на второй этаж нашего большого дома. Здесь я провела свое детство и юность.

Мама любит искусство, поэтому все стены украшены картинами. Многие из них принадлежат моей кисти. Я удивлена, что они все еще висят здесь.

В моей комнате все по-прежнему. Она такая белая, что слепит глаза. Королевских размеров кровать с балдахином манит меня, как магнит. В углу стоит небольшое фортепиано. На нем стоят фотографии в позолоченных рамках, на которых я на различных конкурсах получаю награды. Так же здесь фотографии Рональда, брата, которого я не знала при жизни. Я могу лишь представить, как бы сильно я его любила.

Мои пальцы пробегаются по клавишам, и выходит великолепный звук. Мне нравилось заниматься музыкой, но я тратила на нее гораздо меньше времени, чем на танцы или рисование.

Пожинав, я наполняю свою круглую ванную и нежусь в ней около часа. Сначала я ожидала, что кто-нибудь придет и скажет, что мне делать дальше. Но меня никто не беспокоит, и постепенно я расслабляюсь. Надев махровый халат, забираюсь в постель с книгой и стараюсь погрузиться в чтение. Но не могу сосредоточить свое внимание на тексте.

Все это мне кажется нереальным. За три месяца я настолько привыкла к Николасу к его заботе и восхищению, что сейчас чувствую себя почти тоскливо. Но моя тоска не по нему. А по тому, что он мне давал.

Утром меня будит Хлоя. Она с улыбкой ставит завтрак на сервировочный столик.

– Мисс Плэйт, после завтрака ваши родители ожидают вас в гостиной.

Я киваю, и она уходит. Они даже не пригласили меня к завтраку.

Несколько минут у меня уходит на выбор платья. К счастью здесь все, что покупала для меня мама, так что я быстро нахожу кремового цвета сарафан и привожу в порядок волосы.

Осторожно ступая по абиссинским коврам, я приближаюсь к просторной гостиной, и слышу их голоса.

– Гейб, – взволнованно говорит мама. – Может...

– Не может, – грубо перебивает ее отец. – Она научится самостоятельности. Это еще один урок для нее.

– Она распухнет. Ты знаешь, какие студенты? Еще и в Лос-Анджелесе.

– Так она будет ближе к нам. Ну а думать о ее нравственности уже поздно. Я просто надеюсь, она не подцепит там какого-нибудь богатого бизнесмена или престарелого актера.

Меня не трогают его слова. Он уже говорил так. Я прикрываю веки и улыбаюсь, больше не вслушиваясь в их разговор.

Я еду в Лос-Анджелес. От меня снова избавляются, но на этот раз я безумно этому рада.

Глава 3

Иэн

– Дерьмо!

Я просыпаюсь под дикий вопль Холла. Вчера после дикой вечеринки, когда он вырубился прямо на кухонном столе вместе с какой-то телкой, я намазал его волосатые ноги кремом для депиляции, который одолжил у Спенс.

Уткнувшись в подушку, я ржу как ненормальный.

– Клэй, я знаю, что это ты!

Твою ж...

Слышу быстрые приближающиеся шаги Холла. Есть способ остановить его: сдергиваю одеяло со спящей Спенс и ложусь на нее сверху. Она начинает стонать и тут дверь резко распахивается. Спенс реагирует, но не на меня, лежащего на ней. А на Холла, потому что он может четко разглядеть ее грудь.

Она громко визжит, а Холл останавливается, как вкопанный.

– Черт.

– Убирайся!

Он закрывает дверь с другой стороны, и с коридора я слышу его угрожающий голос:

– Тебе повезло, малыш. Лучше не выходи из комнаты.

Не сдерживаясь, я громко смеюсь во все горло. Ну и сцена. Спенс спихивает меня с себя и садится на кровати.

– Какого черта, Иэн?

– Я побрил ему ноги, – смеюсь я и переворачиваюсь на спину.

На лице Спенс появляется что-то подобии улыбки. Потому что, черт возьми, это смешно. Но она быстро подавляет в себе смех.

– И чтобы тебе не влетело от него, ты выставил меня голой?

– Ну, детка. – Я тяну ее на себя. – Не злись.

– Не злиться? Он видел меня голой!

Ненавижу, когда у нее начинаются истерики. Мне сразу хочется выпрыгнуть в окно. Все эти выяснения отношений дико бесят и портят настроение. Ладно, на этот раз действительно переборщил.

– Бóльшая часть была прикрыта, – упираюсь я.

Спенс закатывает глаза и встает с кровати.

– Мне пора на работу. – Она одевает трусики и лифчик. Затем находит платье и... все. Больше не на что пялиться. Я люблю ее без одежды вообще-то.

– Тебе плевать, что на меня смотрят другие? – слышу ее вопрос, когда уже снова начинаю погружаться в сон.

– Что?

– Многие бы парни выкололи глаза любому, кто бы увидел его девушку обнаженной. Но ты не только этого не сделаешь, ты еще и сам предоставишь для этого случай.

Она нервно расчесывает волосы перед большим зеркалом у комода.

– Спенс, мне бы не хотелось начинать этот день ссорой.

– А я и не ссорюсь, – пожимает она плечами. – Я просто констатировала факты. И да, в тебе вообще нет ревности.

– Это плохо? – безразлично спрашиваю я.

Какое-то время не слышу ее ответ и снова погружаюсь в сон. Но затем чувствую поцелуй в щеку и приятный женский аромат.

– Я люблю тебя.

– И я тебя, детка. Твои сиськи будут сниться Холлу, но только я имею права их трогать.

Я говорю серьезно, глядя в ее ярко-голубые глаза. Пусть я и не самый идеальный парень на свете, но я никому не позволю обидеть ее, и не дай бог, увижу, что кто-то ее трогает.

Она улыбается и припадает к моим губам.

Спенс отличная девушка. Мы познакомились три года назад в баре, в котором она работала. Легкий флирт превратился в настоящую крепкую дружбу. Я и представить себе не мог, что можно вот так просто дружить с девчонкой. Однако, я всегда ее хотел. Физическая особенность мужского тела проявлялась в любом случае, когда мы по-дружески обнимались. Она жутко смущалась, потому что была девственницей. Я берег ее и хранил, сколько мог, пока не выдержал. После того, как Спенс отдала мне свою девственность, я не смог ее оставить. Или дружить как раньше. Мы начали встречаться и вот уже два года мы вместе.

После сладкого поцелуя Спенс уходит, хотя я бы предпочел привычный минет. Но я облажался, так что придется любоваться крепким стояком.

– Эй, Клэй, – угрожающе произносит Холл.

Черт. Он наверняка стоит под дверью с рожей больного маньяка.

– Я видел, что Спенс ушла.

– Теперь у тебя самые гладкие и красивые ножки, – со смешком кричу я и ищу боксеры.

– Не ной.

– Когда они отрастут!?

Я снова валяюсь на кровать и ржу, как ненормальный.

– Мне кажется, это очень хороший крем.

– Засранец.

Дверь распахивается, и появляются разъяренные шесть с половиной футов. Его еще колбасит от похмелья: глаза красные, светлые волосы торчком. Мой друг яркий фанат американского футбола. На нем даже трусы с надписью «Окленд Райдерс». Он угрожающе приближается ко мне, и я со смехом соскакиваю с кровати.

– Полегче, приятель.

– Я тебе яйца побрею.

– Без тебя справился.

Холл корчится, а я спрыгиваю с кровати и несусь вниз на кухню. Там уже, хватаясь за головы, сидят наши друзья и стонут от моего дикого ржача.

– Заткнитесь вы, – бормочет Сэд, когда я пробегаю мимо него и задеваю плечом.

– Ого. – Из ванной выползает Майки и внимательно смотрит на Холла. – Чувак, твои ноги...они, мне их потрогать хочется.

Народ взрывается смехом, а Холл рычит.

– Ладно тебе, пупсик. – К нему подходит его вчерашняя девчонка. – Отрастут. А так... очень мило.

– Я тебе припомню, Клэй. – Он показывает мне кулак и уводит девчонку наверх.

Постепенно народ приходит в норму, а те, кто не живет здесь, разъезжаются. Фактически я здесь тоже не живу. Дом снимают кучка моих отчаянных друзей и сокурсников. Но я ошиваюсь у них каждое лето, с тех пор как поступил в университет. На протяжении трех лет я не возвращаюсь домой. Мы зарабатываем деньги и тусуемся вместе с первого года обучения. Обычно дело для студентов.

– Клэй, когда возвращаешься в кампус? – спрашивает Майки, плотая остатки пива из банки.

– На следующей неделе.

– Тебе серьезно в кайф жить в общежитие?

Честно? На самом деле в кайф. Я много тренируюсь и больше уделяю времени учебе. Я не ханжа, но тусовки у меня по расписанию. А здесь с парнями, планов и расписаний просто не существует.

– О, да, – простодушно отвечаю я и плюхаюсь на диван. Принюхавшись, я морщусь нос.

– Дерьмо.

– Что? – Майки выгибает темную бровь. – Я потел на нем всю ночь.

– Парни, вам нужно установить правила на счет траходромов.

– Кто это тут у нас такой идеальный? – Позади меня появляется Кэрол и, наклонившись, кладет мне руки на грудь.

Я вопросительно смотрю на Майки. Он с самодовольной улыбкой кивает. Она была не помечена лишь им. Но и этому пришел конец.

– Ревнуешь? – с улыбкой в голосе спрашивает она.

– Ты серьезно? – не дает мне ответить Майки.

Она делает лицо «ОМГ» и надувает губки.

– Звоните, мальчики. – С этими словами она уходит.

Кэрол можно назвать шлюхой или еще каким-нибудь паршивым словечком, но черт, зачем? Кого волнует, с кем она спит?

– Хорошо, что Спенс не наткнулась на нее. Прости, брат, не подумал об этом. – Майки протягивает мне кружку горячего кофе.

Я делаю обжигающий глоток.

– Все в порядке. Она не станет устраивать сцен на счет нее.

– Спенс классная. Как можно ревновать к Кэрол. Это же... Кэрол. – Он с улыбкой разводит руками.

Я смеюсь и киваю в ответ.

Я уже говорил, что не самый лучший парень на свете? Скажу больше, я дерьмовый парень. Потому что изменял Спенс. Я не трахался налево и направо, но бывали такие моменты, когда я забывался и полностью отключал сознание и спал с другими. Я никогда не скрывал этого и честно признавался ей. Она плакала и бросала меня, заставляя чувствовать меня последним ничтожеством. Но она возвращалась. Всегда возвращалась. И я любил ее за это еще больше. Нужно иметь огромное мужество, чтобы простить измену. Она всегда шла на жертвы ради наших отношений.

Но я ее действительно люблю, по-настоящему. И я четко не могу объяснить, зачем делал ей больно. Не думаю, что она будет прощать меня вечно, поэтому начал стараться сохранить нашу связь. И у нас все получается. Впервые за долгое время, мы со Спенс действительно счастливы.

– Я в кампус. Мне нужно учебники забрать.

– Давай, удачи, малыш.

Я бью кулаком по кулаку Майки и выхожу на улицу.

В районе Игл Рок в северном Лос-Анджелесе всегда расслабленная атмосфера. Из бутиков и сувенирных лавок доносятся звуки музыкальных автоматов, которые никогда не теряют своей прелести.

Ха, это ведь Лос-Анджелес.

Я забираюсь в свой черный джип «Коммандер», который припаркован напротив гаража и выезжаю на дорогу. Бульвары кишат хипстерами и музыкантами. Это не единственная часть города, где я чувствую себя комфортно. Но это единственная часть города, в которой не хочется вскрыться. Когда я жил с родителями в Санта-Монике, я проклинал ее.

Заехав на территорию кампуса университета Кроун, оставляю машину на стоянке и иду в сторону «Игл Хауса». Это часть общежития, где проживают старшекурсники. На самом деле

название у нее другое. Студенты называют общежитие «Домом Орлов» в честь сборной университета по футболу, которые ежегодно выигрывают кубок штата.

Поболтав с комендантом, я завожу джип и еду к главному корпусу. Через неделю начнутся занятия, и мне срочно нужны учебники, по которым Спенс поднатаскает меня по математике. У меня с ней серьезные проблемы. Да что там. Я в полной заднице по математике. Едва дотягиваю до D¹.

Остановившись у главного корпуса Ройс Холл, я вижу шикарную тачку, которая остановилась прямо передо мной. Из «Мерседеса» выходит водитель.

Ну, естественно.

Пока я выхожу из машины, он открывает задние двери. Поставив на сигнализацию, я делаю шаг в направлении здания, но тут же замираю.

Из богатой тачки выходит сначала женщина, похожая на индюшку – задница назад, важная походка и надменный взгляд. Следом за ней появляется девушка. Именно глядя на нее, я остановился.

Иисус.

Они приехали сюда снимать кино?

Другого объяснения присутствия этой девушки здесь, я не нахожу. Она похожа на икону стиля, голливудскую диву и гламурную фифу одновременно. Ее густые рыжие волосы уложены в стильную прическу и кольцами струятся по спине. На ней короткое белое платье с пышной юбкой и балетки. Она выглядит так, будто сошла с обложки журнала.

Да, черт возьми, так и есть.

Здесь вряд ли кого-то чем-то увидишь. Потому что, повторяю: это Лос-Анджелес. Но эта девушка выглядит иначе. Что-то отличает ее от других.

Она снимает солнцезащитные очки и ее глаза встречаются с моими.

Кто она?

Я как полный придурок уставился на нее и не могу пошевелиться.

Тем временем женщина окликает ее, и она разворачивается и уходит. Мне нужно подняться в то же здание, но я продолжаю наблюдать, как она исчезает в дверях. Я бы мог сказать, что со мной такого не было. Возможно, я бы соврал.

Но даже на Спенс, я не смотрел так, как сейчас смотрю на эту незнакомку.

¹ прим. Система оценок в США

Глава 4

Иэн

Бульвар Сансет едва ли не главный адрес Голливуда. Как только Беверли Хиллз, Малибу и другие шикарные районы окутывает тьма, все слетаются на Сансет Стрип, словно мотыльки на свет.

Все обожают это место. Все.

И я не исключение.

Среди бесконечных ярких и оживленных клубов и баров находится одно место, которое Майки называет святым. Мы подходим к ограждению и расталкиваем недовольную толпу.

– Я владелец, – важно заявляет Майки.

Я смеюсь и толкаю его кулаком в спину.

– Шагай, босс.

Он довольно скалится. Перед самым входом мы достаем из карманов банданы и закрываем нижнюю часть своих лиц. Зеленоватые глаза Майки сканируют двойные двери, ведущие в самое «оно». Я берусь за массивные ручки и распахиваю обе створки.

Нас тут же засасывает атмосфера безумия. Клубы сигаретного и сценического дыма окутывают с ног до головы. Невероятные биты реп-рока Hollywood Undead «Usual Suspects» посылают импульсы моему телу, и я невольно начинаю двигаться под музыку.

Цветные лазеры бегают по толпе, разделяя людей на синих, зеленых и красных.

Безумие, движение, алкоголь, секс и наркотики.

Мы с Майки продвигаемся через толпу. Танцовщицы выются у своих шестов под музыку и дикую какофонию голосов. Я замечаю знакомые лица...

Нет, не так.

Маски. Банданы.

Вот что вы увидите в клубе «Икс», если попадете сюда. Отмечаю: *если*, попадете сюда.

Здесь многие знают друг друга по именам и по лицам, но основной темой является скрывание лица. Если хочешь выпить или кокса, пожалуйста. Есть специальные кабинки, расположенные вдоль дальней стены за танцполом. Можешь спокойно снять свое лицо «Икс» и уделаться в хлам.

Вопрос: какой в этом смысл?

Никакого.

Людам нравится быть частью чего-то. Им нравится эта атмосфера. Так что, нет. Все же смысл какой-то есть.

Мы останавливаемся у бара, и я заказываю два шота.

– Эй, парни. – Тайлер кивает головой и ставит перед нами рюмки. Этот парень в золотой маске, полностью закрывающей его лицо, бармен и владелец. О втором пункте знают только избранные. – Без драк.

– О чем ты? – невинно спрашивает Майки.

Мы не устраиваем драк в клубе. Только на улице.

Вместо ответа Тайлер указывает кивком головы в сторону. Как по команде, мы с Майки поворачиваем головы и видим большое скопление людей возле двери чилаута. На всех до единого тонкая белая сетка с небольшой черной буквой «К» сбоку. Эти парни из Комптона – опасная группировка. Их нацистские реплики в нашу сторону рожают драки. Я частенько звонил отцу и просил его внести за меня залог, когда не успевал убежать от копов, вызванных испуганными посетителями.

Одна «К» с длинными темными волосами поднимает руку и демонстрирует средний палец.

Я смеюсь и поворачиваюсь к Майки:

– Ты трахнул ее?

Его глаза наливаются похотью, и он отвечает неоднозначным:

– Хм-м.

В отличие от «К» у нас нет проблем с национальностями. Для них будет жестоким предательством, узнай они, что одна из них – горячая мулатка Молли – пару раз тусовалась с нами.

– Если Алрой узнает, – говорю я серьезно, глядя на друга, – он убьет ее.

Глаза Майки тухнут.

– Не узнает, если она так не будет наглядно «ненавидеть» меня.

С этим можно согласиться. Молли из кожи вон лезет, чтобы показать всем, как нас ненавидит. Это глупо. И лицемерно. И может вызвать подозрение.

– Хрен с ними, – со вздохом произносит Майки. – Давай выпьем.

Мы опускаем на шею банданы и опрокидываем по шоту. Затем заказываем еще. Через полчаса появляются Холл, Сэд и Бекстер. А еще через час, вся наша тусовка в сборе. Мы идем в свой личный чилаут с откидными кожаными креслами и совершенно синими стенами, и потолком.

Ладно, иногда я не могу себя контролировать. Куча цыпочек, которые хотят, чтобы их трахнули; они сами лезут тебе в штаны и единственное мое оправдание – это то, что я мужчина.

– Ну же, котик, я же вижу, как ты меня хочешь, – шепчет... (я не помню ее имени), опалая ухо жарким дыханием.

– Извини, детка. – Я вытаскиваю ее руку из своих штанов. – Я пытаюсь стать идеальным парнем.

Она надувает свои пухлые губки и разочарованно хлопает ресницами.

– Жаль.

– Не ври. – Я игриво поддеваю ее аккуратненький носик. – Смотри сколько тут их.

– Я не шлюха, – обижается она, краснея. – Я хочу *тебя*.

Хм, это заманчиво. Но все же я не хочу больше изменять Спенс. Допустим, я смогу один раз утаить от нее одну интрижку. Но у меня есть совесть. Она не любит ходить сюда. Даже после всех измен она продолжает доверять мне.

– Извини, – еще раз говорю я, на этот раз рассеянно.

Девушка надевает бандану на лицо и выходит из чилаута. Я встаю с дивана и вразвалку топаю к столику со спиртным. Наливая себе «Джим Бин», я краем глаза замечаю Сэда, который активно работает бедрами, врезаясь в какую-то цыпочку; и это прямо за ширмой.

– Эй, малыш. – Тяжелая рука Холла падает на мое плечо. Почему-то, он называет меня «малышом», хотя сам младше на месяц. – Выйдем из этой дыры, здесь уже все провоняло спермой. – Он косится в сторону Сэда.

Я киваю и кричу как можно громче:

– Парни, киски подождут.

Холл и я надеваем свои темные банданы, прикрывая лицо. Появившийся рядом Арчи распахивает дверь и выходит первым. Нас снова затягивает поток неумемной энергией клуба. Из генераторов клубится дым, и сначала я не вижу куда иду.

Мы здороваемся со знакомыми и обмениваемся громкими репликами, пока не сталкиваемся лицом к лицу с Алроем. Он возвышается надо мной всего лишь на дюйм, и я могу только представлять, каким выглядит презрительным лицо под этой белоснежной маской.

– Клэй. – Его голос будто из подземелья. Мы стоим в коридоре, который ведет в служебные помещения.

– Алрой, – приветствую я.

– Мы должны разобраться с той хренью, что произошла на прошлой неделе.

– Черта с два! – вставляет Майки и встает рядом со мной. – Ваш парень назвал меня белой швалью, он получил по заслугам.

– Ты должен разобраться со своими, – добавляю я. – Не с нами. У нас нет таких проблем.

Возможно, в другой жизни или на другой планете, я бы мог пожалть руку Алрою. Он старше и рассудительнее. У него есть опыт лидера и то, чем зарабатывают «К» не выходит за рамки. Мы же просто кучка студентов-старшекурсников, которым нравится создавать проблемы таким парням, как он и играть с огнем.

На самом деле я уверен, другой бы на его месте нас всех просто перебил. Он это может.

Но он этого не делает.

Для него мы лишь дети.

Алрой выпускает воздух через маску. Я могу видеть, как напрягается его тело. Мышцы перекачиваются под темной кожей. На нем футболка, такая же белоснежная, как и маска. Это создает некий контраст в сочетании с темной кожей. Но в тоже время выглядит угрожающе.

– Значит, была на то причина, – упрямо отвечает он. Но все мы понимаем, что это не так.

– Какая? – злится Майки.

– Просто не путайтесь под ногами, – четко отвечает Алрой.

Никто из нас не успевает ответить. В коридоре появляется испуганная Кэрол. Ее волосы растрепаны и красная бандана болтается на шее.

– Там... Бекстер. Он один против троих.

Парни с гулом срываются с мест. Я торможу Алроя.

– Это никогда не закончится, так?

– Возвращайся на свою виллу к мамочке, – грубо отвечает он. – Ты создаешь мне много проблем.

Он быстро покидает коридор. Я бегу следом за всеми и внутри меня кипит адский котел.

Слово *мамочка* как раскаленная лава спускается к моему желудку. Я знаю, он это сказал, имея в виду, что я всего лишь парень, не так уж давно вышедший из подросткового возраста. Но ничего не могу поделать с этой ноющей болью, когда мне напоминают о матери, даже не имея ее в виду на самом деле.

Кэрол указывает пальцем на черный ход, и мы бежим туда. На заднем дворе среди мусорных баков уже сплелись несколько тел. Я чувствую приток адреналина, несущимся по моим венам. Мне нужно выпустить все дерьмо, что я накопил в себе. Не обращая внимания на охранников, которые пытаются разнять яростно дерущихся ребят, я срываю бандану с лица и бью кулаком в челюсть первого, кто встает на моем пути. Приличный удар прилетает следом, и я сплевываю кровь. Махая кулаками и выпуская пар, я думаю лишь о том, как бы мне не прилетело в нос. Его ломали уже несколько раз, и мне бы не очень-то хотелось иметь такой нос, как у Рокки Марчиано².

Не знаю, сколько это происходит, но в итоге меня хватают Холл и Майки и оттаскивают в сторону.

– Тише, тише малыш, – бормочет Холл, вытирая футболкой окровавленное лицо.

– Я предупреждал! – орет Тайлер с золотой маской на макушке. Его злобный взгляд останавливается на Алрое и мне. – Выберете другое место для разборок. Ваши девки уже набирали копов, когда я появился. Мне не нужны проблемы.

С этими словами он заходит внутрь вместе с парочкой мощных охранников и громко хлопает железной дверью. Мы остаемся окруженные запахами крови пота и звуками Бульвара Сансет. Неожиданно сзади появляется Молли и тихо шепчет Майку:

– Когда-нибудь вы доиграетесь.

² американский боксёр-профессионал.

И это не звучит как угроза. Она подходит к Алрою. Он естественно уже без маски. Его хмурый взгляд сосредоточен на своих помятых парнях. Молли прижимается к нему всем телом, и они уходят в сторону парковки.

Нет смысла здесь стоять. Так бывает не каждый раз, конечно, но часто. Все просто молча, расходятся кто куда.

– Я домой, парни, – зевая, говорит Бекстер и надевают свою кожаную порванную куртку.

Черт, он выглядит так, будто его не колотили только что трое здоровенных парней. Мы даже не спрашиваем, кто спровоцировал драку. Какая разница.

– Да, я тоже, – говорю я и поднимаю свою куртку, которую бросил возле мусорного бака, когда ринулся в драку. Мобильник во внутреннем кармане, как ни странно жив, и на нем несколько пропущенных вызовов от Спенс и одно сообщение:

Пожалуйста, не задерживайся.

– Я остаюсь, – уверенно говорит Холл, играя своими мощными мышцами.

– Уверен? – спрашивает Майки. – Я тоже сваливаю.

– Ага.

– Я даже не успел кончить, – возмущается Сэд, морщась и вытирая разбитую губу.

Холл мыкает.

– Чувак, ты никогда не успеваешь.

– Пошел ты.

Мы прощаемся с ребятами и втроем идем на парковку.

– Нужно завязывать парни, – вдруг говорит Бекс. – Скоро сезон.

– Тренер нас убьет, если мы придем на тренировку с такими рожами, – подтверждает Майки.

– Последний го-од, – улыбаясь, тяну я. – Нужно как-то комбинировать.

Лица моих друзей из серьезных, превращаются в ухмыляющиеся.

Пусть я беспечен, но мне остается последний год в университете. Я хочу, чтобы он запомнился. Хотя каждый наш год – это нечто грандиозное.

На следующее утро я поднимаюсь с кровати и покряхтываю, как старик. Кости ноют от вчерашних пинков «К», и синяки уже синеют на теле.

– Боже, сколько тебе лет, милый? – ласково бормочет Спенс и обрабатывает мои царапины какой-то вонючей жидкостью. Ее темно-каштановые волосы небрежно рассыпаны по плечам. На ней лишь трусики и моя футболка.

Я нежно хватаю ее за ягодицу и прижимаю к своему телу.

– Тебе нравится плохой мальчик, – констатирую я.

– Мне нравится здоровый мальчик, – поправляет она.

Второй рукой я сжимаю ее вторую ягодицу. Я сижу на краю ванной в одних боксерах, и Спенс зажата между моих ног. Вчера я даже не занялся с ней сексом, когда вернулся, слишком все болело. Да и сейчас болит, но я не против отвлечься.

– Иэн, – шепчет Спенс и краснеет, чувствуя мой затвердевший член.

Мне нравится, что за эти два года она не перестала смущаться от всех тех безумных вещей, которые я вытворяю с ней в постели.

– М-м? Ты не хочешь?

Она слегка трется своим бедром и облизывает губы.

Хорошая девочка.

– Хочу, но...

Ее прерывает звук моего телефона, лежащего на раковине. Я смотрю входящее сообщение, и мое лицо меняется.

– Что такое? – обеспокоенно спрашивает Спенс.

– Это мой отец, – вздыхаю я. – Я обещал приехать сегодня.

– О. – Спенс освобождается из захвата моих ног и выбрасывает ватный тампон в мусорную корзину.

Я знаю, о чем она думает. Мы встречаемся два года, и я ни разу не возил ее домой к отцу и матери. Она их не знает, в то время как я почти каждый месяц вожу ее в Санта-Клариту и пью пиво с ее братьями и отцом.

Мой отец знает, что я встречаюсь с девушкой из среднего класса. И ему плевать на это. Он не станет с ней знакомиться, предполагая, что это лишь увлечение. И я не пытаюсь его переубедить. В этом нет никакого смысла.

Но я не хочу сказать, что мой отец плохой. Он... нормальный. Отец как отец. И я понимаю чувства Спенс, но ничего не могу с этим поделать.

– Спенс, милая, – нежно говорю я.

Она включает воду в кране и принимается мыть руки.

– Все в порядке. – Она выдавливает улыбку.

– Мы не будем снова это обсуждать. Я обещаю, все придет со временем.

Спенс удивительная. Она дает мне так много, а я отвечаю самым малым. Но все же она огромная и светлая часть моей жизни. Ей будет больно, если отец не воспримет ее, как полагаются.

– Да, – кивает она и прячет глаза. – Я не буду думать об этом.

Я прижимаю ее хрупкое тело к себе и целую в губы.

– Когда тебе нужно заселяться? – спрашивает она после поцелуя.

– В понедельник.

– Я постираю твои вещи.

– Ты лучшая. – Я снова накрываю ее губы.

Она будет отличной женой, матерью и да, я рассматриваю это в будущем. Потому что лучшего не найду.

Лучшее уже у меня в руках.

Мой «Коммандер» тормозит у больших деревянных ворот, ведущих во двор дома моего детства. Эта роскошная вилла в итальянском стиле подчеркивает статус моего отца – банкира до мозга и костей. У меня нет плохих воспоминаний, связанных с этим домом или чего-то подобного. Нет веских причин, по которым я не могу приезжать сюда. Только одна, и я стыжусь ее.

Я появляюсь в доме, и меня встречает Сара – экономка, горничная и в прошлом, моя няня, – все в одном лице. Она целует меня в обе щеки и тихонько спрашивает:

– Проводить тебя к маме?

– Я к отцу, Сара, – качаю головой.

Ее пухлое лицо покрывается маской разочарования, но она быстро справляется с эмоциями.

– Он у себя. Как поговоришь с ним, живо на кухню. Тощий, как жердь.

Я смеюсь и показываю ей танец, оголяя пресс.

– Видишь, детка, – подмигиваю я своей старенькой няне. – Это тело не жердь, это тело мечты всех девушек кампуса.

– Постыдился бы, – фыркает Сара и уходит на кухню.

Когда я останавливаюсь возле двери кабинета отца, глупая улыбка сползает с лица. Я не боюсь его, я его уважаю. Он мой отец.

Стучу в дверь и слышу его глубокий голос:

– Войдите.

Кабинет полностью отделан темным деревом. Встроенные в потолок лампы освещают помещение, и оно не кажется таким мрачным. Отец поднимает голову от планшета, когда я вхожу. Мы не виделись пару недель, и каждый раз, когда мы видимся, отец мне кажется все более молодым. Мягкие черты его лица не предназначены для суровости и хмурости. Но он ведет жестокий бизнес, и такому человеку трудно сосредотачиваться на чем-то другом.

Он поднимается с кожаного кресла и протягивает мне руку. Мы одного роста, но совершенно разные внешне. Мой отец – русоволосый и голубоглазый американец с шотландскими корнями, а я копия моей мамы – темноволосый и кареглазый.

– Рад видеть тебя, Иэн, – говорит отец и всматривается в мое лицо. – Где тебя снова носило?

– Футбол, – вру я.

– Кого ты обманываешь, – констатирует он.

Я не спорю.

– Готов к последнему учебному году? – Отец бедрами упирается о стол и скрещивает руки на груди.

– Еще как, – улыбаюсь я.

Но он не улыбается.

– Когда ты видел маму в последний раз?

Я мог бы догадаться, что он заговорит об этом. Он никогда не заставлял меня сидеть с ней и никогда не давил, зная, что мне трудно это принять. Но время шло, и он злился, что я отдаляюсь.

– Молчишь, – говорит он. – Иэн, мама скучает.

Мое горло высыхает моментально. В груди что-то сильно давит, блокируя пути для дыхания.

– Папа...

– Ты не ребенок, – строго прерывает он. – Сколько можно кормить меня байками «Я еще не готов»?

– Нет моей вины в том, что ты единственный вменяемый родитель в этом доме.

Как только эти слова срываются с губ, я с ужасом прикусываю язык.

Но уже поздно.

Моя челюсть встречается с ладонью отца, и я отскакиваю на несколько шагов.

Черт. Это больно, учитывая, что вчера я побывал в драке.

– Как ты смеешь. – Отца трясет. Он не хотел этого делать, но я вынудил его. Вынудил, сам того не желая. – Пора взрослеть, сынок. Тебе скоро двадцать два, а ты ведешь себя, как подросток.

В его словах вся правда. Черт бы меня побрал, я все прекрасно понимаю, но не могу перестать вести себя, как полный придурок.

– Я терпел все твои выходки, но пора с этим кончать. Повзрослей и будь мужчиной. Я не таким тебя воспитывал.

Стыд уступает месту боли.

– Но она меня даже не помнит, – делаю последнюю попытку оправдаться.

– Иэн, она твоя мама и она больна. В этом никто не виноват. То, что ты ее не навещаешь, причиняет боль всем в этом доме. Повзрослей.

Это слово эхом проносится в голове.

– Можешь идти, – устало говорит отец и обходит стол. – Этот удар был тебе уроком. Ты знаешь, я не хотел этого делать.

Я киваю и выхожу из кабинета.

Мы не сразу заметили, как мамина рассеянность стала перерастать во что-то большее. Она всегда порхала и заботилась обо мне, о своем саде и обо всех вокруг. Я настолько привык к ее нежному и доброму нраву, к ее огромной любви ко мне, что не смог выдержать то, что с ней произошло.

Она стала забывать и каждый раз, когда она видела меня и отца, она пугалась. Это стало невыносимым, и я перестал приезжать домой. Стыдно сказать, но для меня тогда еще восемнадцатилетнего оболтуса, она все равно, что умерла. Я стыдился этих мыслей, изнутри меня пожирала тоска и боль. Она больше не прежняя, не моя мама, которая смотрела на меня как ангела.

Но отец прав. Она больна, и я поступаю низко, не навещая ее. Легко прятаться от боли и страданий, вместо того, чтобы искать выход и быть честным с самим собой. Я люблю маму. Я хочу, чтобы она вернулась, но это невозможно. И я не имею права забиваться в угол, делая вид, что мне плевать.

Мурашки бегут по телу, и на лбу проступает пот, когда я заглядываю в открытые двери комнаты, в которой снуют две женщины в белых халатах. Мама сидит, уставившись в одну точку, позволяя одной из женщин проверять ей пульс. Ее некогда прекрасные и пышные каштановые волосы тусклыми прядями выбиваются из хвоста, завязанного на затылке. Она замечает движение у двери, и ее золотисто-карие глаза устремляются в мою сторону. Сначала в них испуг, затем загорается интерес.

– Ой, смотрите, – говорит она сильным голосом. – Ангел спустился с небес.

Глава 5

Линдси

Университет Кроун окружен лесистыми деревьями, за которыми возвышается гора Игл Рок. Кампус просто огромный – отдельный маленький городок со своими кофейнями, торговыми центрами, парками и садами.

Для меня это новый мир, в котором все кажется нереальным. Мне двадцать лет, и я только сейчас узнаю, как круто быть обычным студентом. Я имею в виду по-настоящему быть студентом – жить в общежитие, встречаться со сверстниками, ходить на вечеринки и спать на занятиях. Ну, конечно все это мне еще предстоит проделывать.

Меня приняли на второй курс факультета социальных и экономических наук. У меня был большой выбор, и я не смогла сразу определиться. Я выбрала психологию, и папа кажется, остался удовлетворенным. Странно, но моя голова оставалась совершенно пустой. Я многое что могла и умела, но совершенно не знала, чем буду заниматься в будущем.

Общежитие, в котором мне предстоит теперь жить, находится в нескольких минутах ходьбы от учебного корпуса. Выложенная ровным кирпичом дорожка через сады и нескольких открытых кафе – отличная прогулка по утрам.

В общем, мне здесь нравится, и я намерена постараться завести друзей и общаться со сверстниками. И конечно скрывать ото всех свое прошлое. Я не могу сказать, что стыжусь связи с Николасом, но это последнее, что я буду рассказывать о себе.

Занятия начинаются через неделю, и я записалась на подготовительные курсы, чтобы как-то убить время. Кампус уже переполнен студентами, хотя здесь вряд ли бывает тихо и во время каникул. На траве перед общежитием валяются первокурсницы, хихикая и глядя на парней, которые с голыми торсами бегут к стоянке с досками в руках. Жизнь здесь кипит, и теперь я тоже часть этого.

Когда я собираюсь присесть на кованую скамейку под огромным вязом, на меня налетает непонятное существо, и чуть ли не сбивает с ног.

– Проклятье, – бурчу я. Что бы это ни было, оно меня швырнуло достаточно больно в плечо.

– Ой, прости, первокурсница.

Я поворачиваю голову на голос и вижу перед собой... да, действительно странного парня. На нем потертые, но дизайнерские джинсы, голубая рубашка-поло и очки в толстой черной оправе. Он похож на типичного ботаника и даже не знаю, почему он мне показался странным. Наверное, это его ярлык. Потому что все люди носят ярлыки.

– Я не первокурсница, – дерзко отвечаю я и, смахнув невидимую пыль со своего лилового сарафана, сажусь на лавку.

– Да ну? – широко улыбается он. Парень очень милый, его темные непослушные волосы торчат во все стороны, темно-зеленые глаза смеются.

Я прекращаю пялиться на него и закидываю ногу на ногу, оглядываясь вокруг.

– Ты точно здесь впервые, – упорствует он.

– Ты, кажется, куда-то спешил, – напоминаю я.

– Блин, точно. – Он хлопает себя по бедрам. Потом начинает нервно смотреть на наручные часы. Оу, «ролекс». Богатенький фрик.

– Знаю, о чем ты думаешь, – ухмыльнувшись, говорит он. – Эти часы и джинсы и Кроун. И очки...

– Господи, о чем ты? – не выдерживаю я.

– Я не богатенький перец. Моя мама всю свою жизнь вкалывала в продуктовом. Мне просто повезло, что я попал к деду. Ну, знаешь, как в итальянских трагедиях. Мой дед оказался крутым гангстером и нашел свою давно потерянную дочь, которая еле сводит концы с концами. Она когда-то убежала с одним парнем, и появился я...

Поток слов из его рта бьет фонтаном. Я не понимаю, о чем он говорит, то ли о фильме, то ли о реальной истории жизни. В обоих случаях это странно. Мы видим друг друга в первый раз в жизни. Видимо, первое впечатление не всегда обманчиво. Он странный.

– Прекрати, – раздраженно перебиваю я. – Что с тобой не так?

– А что со мной не так? – его брови взмывают к макушке.

– Ты несешь... – Я не могу сказать «бред», потому что это удивительная история может оказаться правдой. И честное слово, я этому не удивлюсь, так как с такими людьми всегда происходят просто невероятные вещи. – В общем, мне не обязательно знать историю твоей жизни.

– Да, наверное. – Он задумчиво потирает затылок. – Знаешь, мы поболтаем об этом позже. Я же опаздываю. О, я Марлон, кстати. – Прежде чем я успеваю среагировать, он подходит ближе и трясет меня за руку. – И никаких подколов по поводу Брандо. Нет, он классный конечно. Но я Вэл. Просто Вэл.

Он продолжает трясти мою руку, и мне уже становится смешно, потому что этот парень забавный в своей странности, и он явно опоздал.

– Ты опоздал Вэл, – говорю я и буквально вырываю свою руку из хвата.

– Ты виновата, – широко улыбается он. – Найди меня если что. Я Марлон Перри. Твое имя я узнаю при следующей встрече, будет повод поймать тебя. До встречи, первокурсница.

С этими словами парень наконец-то исчезает. Я даже не поняла, что это было. Но явно ничего плохого.

Дни пролетели незаметно. И вот я официальная студента университета. Знакомиться было легко. С первых же дней в комнатах гремели тусовки, особенно в «Игл Хаусе» – общезжитии для старшекурсников.

Моей соседкой по комнате оказалась длинноногая красотка из Аризоны. Она специализировалась на праве, так что мы будем видеться не только в комнате.

– Быть первокурсницей в Кроун отстойно, – сказала мне Хейли сразу после знакомства.

– Для тупых девиц из «Каппа Бетта Фи» ты свежее мясо, для парней старшекурсников – куколка из школы. Так что тебе повезло. А где ты училась до этого?

– В Йельском, – ответила я, пожав плечами.

– Круто. – Хейли взмахнула прямыми платиновыми волосами. Она из того типа людей, которые способны найти общий язык с любым человеком. Я не была зажатой, мне просто редко удавалось общаться со сверстниками.

В общем, мы с ней подружились.

В первые же дни мы решили, что будем прибираться в комнате раз в неделю. В нашей комнате царит хаос из кучи разбросанных шмоток и косметики. Но мне даже это нравится, – никаких правил. Это моя комната, что хочу, то и делаю. Ванную мы будем делить еще с двумя девочками из соседней комнаты, и это не вызвало во мне неприязнь.

Если честно, я думала, отец меня заселит в отдельный люкс, и я снова останусь одна. Не знаю, о чем они думали с мамой, определяя меня в этот университет. Если я правильно поняла, это мое наказание. Но они и представить не могут, какая это для меня награда.

Я просыпаюсь от пикивания своего телефона и быстро соскакиваю с кровати. Хейли уже ушла, а у меня занятия только со второй пары. Пока я роюсь в своем шкафу в поисках платья, меня озаряет.

К черту платья! Нет, я люблю платья, но не каждый же день их носить. Я запрыгиваю в рваные джинсы и футболку «Rolling Stones» и расчесываю волосы. Вчера перед сном я все же убралась и с чистой совестью завалилась спать. Творческий беспорядок – это мило, но настоящий срach в мои планы не входит.

Наша комната просторная – с довольно большими кроватями и мягким розовым напольным покрытием. Хейли повесила белую вуаль на огромное окно, и комната приобрела совершенно домашний вид.

Я принимаю холодный душ и, приведя свое лицо в порядок, отправляюсь на лекцию. Так как Хейли мне объяснила, где аудитория, я ее быстро нахожу. Я проучилась всего два дня и еще плохо разбиралась в бесконечных лабиринтах Кроуна. В аудитории уже сидит огромное количество студентов: кто-то спит, кто-то уткнулся в компьютер, некоторые даже репетируют. Наверняка, студенты из театрального.

Я нахожу свободное место, почти на самых высоких и дальних рядах, и со вздохом приземляюсь. Психология, это конечно интересно, но что, если бы я выбрала искусство. Я пыталась заикнуться, но папа точно дал понять, что это было лишь для моего общего развития.

Мои мысли нагло прерывает Марлон Брандо, которого я не видела с того дня, когда он меня чуть не сбил с ног возле общежития.

– Привет, – невозмутимо говорит он и вытаскивает из своего рюкзака учебник и лэптоп.

– Извини, я не смог присутствовать с тобой в первые дни, был так занят.

– Ты серьезно? – Я прищуриваюсь, глядя на него. Сегодня мистер Брандо одет почти так же, как и в день нашей встречи, только вместо рубашки на нем футболка... я снова прищуриваюсь, чтобы разглядеть.

– Это судьба, – широко улыбаясь, говорит парень. Он разводит руки в сторону и демонстрирует почти такую же принтованную футболку «Rolling Stones».

Да ладно. Вы издеваетесь?

– Какая твоя любимая песня? – оживленно спрашивает он.

– Слушай, мы даже не знакомы.

– Да нет, знакомы, – возражает он. – Ты Линдси, я Вэл. Ты забыла, что мы виделись?

– Нет. Но я не называла своего имени.

– А. – Он беспечно отмахивается. – Я президент студенческой газеты «Кроун вижн». Я знаю все.

Газета. Ну, конечно.

– Ясно.

– Эй, больше энтузиазма. Тем более, ты не первокурсница. Кто бы мог подумать.

– Пытаешься извиниться?

– А ты обиделась?

– Насколько я понимаю, здесь нет чести – быть первокурсником.

Вэл смеется. Его смех такой легкий и заразительный. Я улыбаюсь и утыкаюсь в свой лэптоп.

– Не хочешь поработать в газете или на радио? – снова обращается он ко мне.

Я отрываю глаза от экрана.

– Ты еще и президент радио?

– Ха-ха, – кривится он. – Там нет президентов. Но я вещаю несколько колонок по четвергам. Слушай, нам нужны еще ребята. Как ты на это смотришь?

– Это весело, но нет. – На самом деле, у меня совершенно другие планы. Я хочу заняться каким-нибудь спортом или ходить на рисование.

– Но ты подумай, – не унимается Вэл. – Там хорошие ребята, и постоянные вечеринки. Блин, однажды мы напились прямо на станции и вели эфир в пьяном угаре. Вот было круто.

Я с удивлением уставилась на него:

– Ты не похож на мальчика, который нарушает правила.

– Что? Не суди по внешности, детка. Я люблю порядок, но от пары бутылок хорошего виски ни один нормальный человек не откажется.

Я фыркаю.

– Как скажешь.

– А ты не разговорчивая.

– Я больше слушатель.

– Это я понял. Итак, почему психология?

– Ты и это знаешь?

Вместо ответа он улыбается.

Я вздыхаю.

– Не знаю. Честно, я не знаю. Думаю, это будет интересно.

Он раздумывает какое-то время, затем снова говорит:

– Еще не поздно сменить профиль.

– Нет, я не буду метаться. Это хороший факультет, не думаю, что пожалею.

– Что ж, ладно, – пожимает плечами Вэл.

Боковым зрением я вижу, как он рассматривает меня. Он уже не улыбается, но необычного оттенка глаза весело блестят. Мне нравится этот парень. Думаю, мне пора прекратить строить из себя интроверта и начать общаться с теми, кто хочет общаться со мной.

– Ну а ты? – Я разворачиваюсь к нему. – Какая специализация у тебя?

– Политология, – отвечает он. – Мы будем вместе на многих занятиях.

– Я должна обрадоваться? – На моем лице непроизвольно появляется улыбка.

– Ну, судя по твоей наконец-то настоящей улыбке, ты и не будешь расстраиваться, – подмигивает Вэл.

– Почему Вэл?

Он пожимает плечами.

– Не знаю, меня так называл дедушка. Но согласись, у меня ужасное настоящее имя.

Я снова борюсь с улыбкой.

– Тогда зачем ты мне сказал его? Мог бы просто представиться Вэлом.

– Ты так странно на меня посмотрела тогда. Я взял и вылепил правду.

– Ты меня сильно толкнул, – утверждаю я.

– Нет, не поэтому. – Вэл качает головой. – У тебя интересный взгляд.

Я не успеваю ничего ответить, потому что входит преподаватель и прерывает нашу беседу громкой речью.

После занятий мы с Вэлом встречаемся с Хейли и идем в одну из кофеен кампуса.

– Я буду ходить на плавание в этом году, – говорит Хейли, усаживаясь за свободный столик.

– В прошлом году ты сказала, что у пловчих слишком широкие плечи, – фыркает Вэл.

– Но какие там парни, – прикусывая губу, отвечает Хейли.

– Это того не стоит.

– Ничего ты не знаешь. – Хейли скрещивает руки на своей впечатляющей груди, которая кричит всем «привет» из разреза легкого сарафана.

Вэл закатывает глаза и снова поднимается со стула.

– Я принесу нам кофе.

Мы говорим ему, какое кофе хотим и остаемся вдвоем.

– Давно ты его знаешь? – Я киваю в сторону Вэла.

Хейли хихикает.

– С прошлого года, когда поступили. Марлон. – Она смеется громче. – Он так злился, когда я его называла Брандо. Он может быть прилипчивым, но он добрый и хороший парень. Я не удивлена, что вы сразу подружились.

– О, мы «подружились», – я делаю воздушные кавычки, – немного раньше.

Она снова улыбается и, наклонившись ко мне ближе, начинает шептать:

– В прошлом году он начал встречаться с одной сукой из «Каппа», и она разбила ему сердце, изменив с одним из футболистов. Бедняжка, он так страдал.

– Ого, – удивляюсь я.

– Мне нравятся другие парни, да и с Вэлом мы просто дружим, но... ты только присмотришься к нему.

Я оборачиваюсь и внимательно слежу за Вэлом, он стоит у стойки и с улыбкой разговаривает с баристой. Хейли права, нужно только присмотреться. С первого взгляда Вэл кажется обычным парнем, ботаником в очках и все такое. Но приглядевшись, можно заметить тугие мышцы на его предплечьях, когда он протягивает руку, чтобы взять стакан. Нити вен по-мужски выпирают на руках и его руки... они сексуальны. Непослушные каштановые волосы небрежно уложены на голове, а очки в черной оправе придают еще больше выразительности его глазам. Вещи, что носит Вэл, явно не из дешевых, несмотря на их простоту. И вообще, в его движениях мужская грация и сила. Он – мужчина.

– Эй, подруга, – окликает меня улыбающаяся Хейли. – Не глазей так.

– Ладно, ты права, – сдаюсь я. – Вэл привлекательный.

– Я бы с ним трахнулась, – просто говорит Хейли. – Ну, если бы не знала лично.

– Серьезно? – спрашивает появившийся рядом Вэл.

Я округляю глаза, и в следующую секунду мы с Хейли заливаемся смехом.

– Но я тебя знаю, – говорит Хейли, забирая у него бумажный стакан с кофе. Она совсем не смущена тем, что Вэл ее услышал. – Так что забудь.

– Хрен с тобой. – Он машет на нее рукой и обращается ко мне: – Что на счет тебя?

Я собираюсь что-то ответить, но мой язык застывает, когда в окне я вижу проходящую мимо тройцу. Три высоких парня с голыми торсами проходят мимо кофейни, толкая друг друга и смеясь. Мое внимание привлекает лишь один. Он идет вальяжной походкой и подкидывает одной рукой мяч для регби. Его тугие мышцы перекачиваются под золотистой кожей, которая кроме загара покрыта несколькими татуировками. Темные волосы мокрые от пота и блестят на солнце. Отсюда я не вижу его глаза, но могу разглядеть мужественные черты лица и красивую улыбку. Я не могу понять, что в нем меня так зацепило, он красивый и сексуальный, без сомнения. И идущие рядом с ним парни, наверняка не хуже, вот только я не могу отвести глаз именно от него, пока они совсем не скрываются из виду. Я видела его.

– Как ты быстро переключилась, – с игривой обидой говорит Вэл.

Я возвращаюсь в реальность и глупо моргаю, глядя на него.

– Что?

Хейли заливается громким смехом.

– Куда тебе соперничать с Иэном Клэем.

– Ага, – бурчит Вэл. – Куда уж мне.

Иэн Клэй.

Глава 6

Иэн

После тренировки мы с парнями вваливаемся в раздевалку и снимаем с себя форму.

– Дак, какого хрена? – возмущается Бекстер, обращаясь к первокурснику. – Где тебя учили подавать такой пас?

Тот смущенно опускает глаза, а мы ржем, как ненормальные.

– Это не смешно, – продолжает хмуриться Бекс. – Мои яйца такого не заслужили.

– Расслабься. – Я кладу руку ему на плечо. – Даги-даги во втором составе.

– Но... – начинает первокурсник.

– Малыш, – снисходительно обращаюсь к нему. – Это самое большее, на что ты можешь рассчитывать в «Орлах».

Иногда я беру на себя такую наглость, говорить словами тренера. Мне часто от него попадает за это, но это не мешает мне пользоваться своими правами капитана команды. Я играю в футбол не потому, что это делают все крутые ребята в Кроуне. Это весело. Мое будущее это не спорт, это... черт возьми, я не знаю.

Я выбрал факультет социальных наук, потому что мне просто нужно образование. Отец интересовался, чем я хочу заниматься в жизни, и я не думая ответил: «Работать с тобой». Это было лучшим ответом лучшего сына. На самом деле, я не знаю, чего хочу от жизни в целом. До сих пор, даже в последний выпускной год.

– Эй, малыш не забудь. На тебе вся выпивка, – кричит Холл, когда мы уже разбрелись по душевым кабинкам.

– Я помню, гладкие ножки, – ухмыляюсь я.

– Вот же сукин сын, – шипит Холл, а я откидываю голову и смеюсь во весь голос.

– Парни, расскажите мне, – голос второкурсника Бена едва слышно из-за шума воды.

– Тебе еще нужно подрасти, милый, – елеинным голосом поет Бекс.

– Пошли вы!

Я выхожу из спортивного комплекса и напрямиком бегу в общежитие. Сегодня Спенс работает, так что ее не будет на нашей вечеринке. Поэтому она обещала мне секс после тренировки. Ну, как обещала. Я заставил свою крошку покраснеть (хотя визуально не видел этого), когда громко крикнул в телефон, что хочу ее трахнуть. Она в это время находилась на групповом занятии с первокурсниками. Судя по ее тону, все это услышали.

Спенс конечно зла на меня сейчас, но это не беда. Я быстро ее успокою.

Ей много приходится учиться и работать. В Кроуне Спенс на неполной стипендии, и чтобы не потерять это, ей приходится усердно заниматься. Ее работа в баре меня бесит, но она работает там не ради денег, а ради удовольствия. Как будто продавать дешевое пиво студентам – это удовольствие. Но в этом вся Спенс. Когда она хотела уйти оттуда, одна из ее коллег забеременела, и хозяйке не хотелось терять двоих сотрудников, и она уговорила Спенс остаться.

Кроме учебы и работы, она занимается волонтерством в детской клинике, которая находится в нескольких милях от кампуса. Она любит детей и готовится стать учителем начальных классов. Иногда я поражаюсь размером ее огромного и доброго сердца. Я никогда не встречал таких бескорыстных людей, как она.

Я влетаю в комнату и сбрасываю с плеча спортивную сумку. В небольшой общей комнате никого нет, и я без стука врываюсь в спальню Спенс. Она стоит напротив окна и пыта-

ется расстегнуть молнию на платье. При моем резком появлении Спенс ахает и резко разворачивается.

– О, я вовремя, – говорю я и устремляюсь к ней.

– Подожди. – Ой, в тоне Спенс злость. Сейчас она будет говорить со мной как с непослушным учеником. Неплохая для нее практика. – Ты не хочешь извиниться?

– Нет, – безапелляционно отвечаю я и тянусь к ее молнии.

Она уворачивается и делает шаг назад. Ее темные волосы растрепаны и в голубых глазах горит огонь. Черт, она действительно разозлилась.

– Иэн, боже мой. Это все слышали. Все первокурсники, все дети из...

– Дети? – переспрашиваю я.

– Да, дети. Я говорила, что к нам приедут дети из школы Вудроу Уилсон и мы будем заниматься с ними. И так громко орал, будто специально.

– Черт, прости детка, я забыл. О детях я забыл. – Я сажусь на большую кровать и вытягиваю ноги. – Но все ведь обошлось?

– Миссис Белл сделала мне выговор. К счастью, она знает, с кем я встречаюсь и не удивлена твоим выходкам.

– Уж и не знаю, принять это за комплимент или оскорбление.

Спенс закатывает глаза и снова отворачивается.

– Ты, кажется, хотела снять платье, – осторожно напоминаю я.

– Иэн.

Как только мое имя слетает с ее губ, я соскакиваю с кровати и обнимаю ее сзади.

Макушка Спенс упирается мне в подбородок, мои руки исследуют ее тело, и она расслабляется.

– Ну, хватит дуться. В следующий раз отключай телефон, когда я буду звонить тебе на твоих занятиях.

– То есть, ты не обещаешь, что этого не повторится, – уточняет она.

Я разворачиваю ее лицо к себе.

– Я не буду обещать такое.

Не дав ей возразить, я целую ее в губы и тяну на кровать. Это кровать повидала многое. Мы гораздо чаще занимаемся сексом здесь, а не в моей комнате. Потому что, не смотря на отдельные спальни, у нас всегда много народу. Мы с Сэдом слишком гостеприимны, а Спенс всегда слишком смущается заниматься сексом, когда за картонной дверью целая толпа парней. Соседка Спенс невидимая как Каспер и я даже не помню ее имени, поэтому наш секс происходит либо здесь, либо в моей машине, либо в квартире у моих друзей.

– Забудь об этом, – шепчу я, разорвав поцелуй. Мои руки касаются молнии на платье, и замок ползет вниз.

Мне срочно требуется освобождение, член пульсирует в джинсах, упираясь в ширинку. Я всегда чувствую дикий сексуальный голод после физических нагрузок.

Я кладу Спенс на кровать и начинаю стаскивать с нее платье.

– Иэн, – шепчет она.

– М? – Я не даю ей продолжить, снова запуская язык в ее сладкий ротик.

Схватив ее руку, я трусь членом об ее ладонь.

– Послушай, – останавливает меня она. – Может... задернем шторы?

Я замираю.

– Зачем?

Солнце освещает комнату и прекрасное белое тело Спенс. Она закусывает губу.

– Ну...

– Черт, Спенсер. – Я запускаю руки в волосы и качаю головой. – Два года. Мы два года трахаемся.

– Мы встречаемся! – резко возражает она.

– Ну да, встречаемся, – подтверждаю я. – И два года мы занимаемся сексом. Я знаю твое тело до каждой родинки. Когда ты прекратишь стесняться?

– Милый, секс это слишком интимное для меня. Я люблю тебя, люблю твое тело, мне нравится, когда ты касаешься меня...

– Так в чем проблема? Почему тебя до сих пор волнует какой-то солнечный свет?

Она молчит.

– Тебе нечего стесняться, Спенс.

Иногда я забываюсь, какой Спенс может быть ранимой. Нет, она никогда не отказывается от моих сексуальных фантазий (хоть мне и приходится ее уговаривать), у нас отличный секс, но ее нежелание заниматься этим при свете дня меня бесит. Если люди любят друг друга, какая разница, какое время суток на дворе.

– Я пойду, – вдруг говорю я и встаю с кровати.

– Ты не можешь так реагировать на обычную просьбу задернуть шторы, – удивленно говорит она, глядя как я, зашнуровываю кроссовки.

– Мне многое еще нужно сделать, детка, – спокойно отвечаю я. – Я заберу тебя после работы.

Она вздыхает.

– Прости.

Я молча целую ее в щеку и выхожу.

Идя по оживленному коридору общежития, я думаю о нелепой размолвке. Я совершеннолетний мужчина, мне нужен драйв и постоянная выработка адреналина. Я по природе таков, какой я есть. И самая подлая часть меня, сейчас думает о том, что именно Спенс виновата в том, что я ей изменял. Я затаскивал девушек в чилауты или туалеты и трахал их, давая и получая офигенный кайф. Это неплохо – порой отдаться ощущениям и просто получать удовольствия и мысль, что нас увидят, приводила в восторг. И в случае со Спенс это бы не было чем-то постыдным. Мы любим друг друга. Она – хорошая и умная девочка и мне не нужна другая, но я хочу, чтобы мы открылись друг другу не только душевно, но чтобы чертов солнечный свет не приводил мою девушку в ступор.

Двухэтажный коттедж Холла, Бекса и Майки заполнен людьми. После первого курса парни сняли этот отличный домик в шикарном районе, чтобы проводить вечеринки, о которых ходят легенды.

Я и Сэд остались в Игл Хаусе, потому что нам нравилось там, но и еще я оставался своего рода проводником между домом парней и общежитием, собирая все «сливки кампуса» в одно сплошное месиво для разгульной студенческой вечеринки.

Несколько шотов текилы заставляют мое тело расслабиться, но мне все еще хочется освободиться в физическом плане и я, слабо говоря, не в настроении.

Холл просовывает руку под короткий топ какой-то Сенди, и та начинает заливаться истеричным смехом. Майки плюхается на диван рядом с нами и издает протяжный стон.

– Твою мать.

– Молли?

Друг неохотно кивает.

Я даже не удивляюсь.

– Друг, одно дело – дразнить Алроя и порой устраивать драки с его парнями, но совсем другое – трахать его девчонку.

– Эй. – Майки хмурясь, поворачивается ко мне. Его короткие черные волосы подняты в замысловатый хаер и в сочетании с татуировками, Майки выглядит как рок-звезда. – Она сама хочет. И вообще, чего это ты такой хмурый?

Вместо ответа я свожу брови на переносице и пью текилу прямо из бутылки.

– Так, ясно, – продолжает Майки. Почему-то он всегда знает, когда у нас со Спенс возникают недомолвки, мне ему даже не приходится рассказывать. – Прекрати хандрить, мужик. Сходи, поменяй музыку и расслабь свою задницу.

– В каком смысле? – хмурюсь я.

Он запрокидывает голову и громко ржет.

– Извращенец, и о чем ты только думаешь?

Я показываю другу средний палец и тащусь к стереосистеме. Эту шикарную вещь с CD и виниловым проигрывателями подарил мне отец. Для наших вечеринок такая вещь с самым дорогим фонокорректором просто необходима. Я ищу свою любимую музыку и нажимаю «play». Знакомые звуки Hollywood Undead заполняют все вокруг. Пьяным студентам уже плевать, что играет. Они курят, пьют, нюхают и трахаются, отключая здравый смысл.

Я прислоняюсь к стене и закрываю глаза. Эти парни, тексты которых я пропускаю через себя, поют обо всем, чем живем мы – Сансет-стрип, тусовки, девочки, а главное – друзья, которые назовут тебя «дерьмом», но тут же подставят свою грудь под пулю, защищая друга.

Майки подходит ко мне и с улыбкой протягивает бутылку.

– «Вот как мы выреливаем»³, – цитирует он песню, и я принимаю эти шикарные слова за тост, затем пью.

– О, – вдруг громко произносит Майки. – Ее я не видел раньше.

Я смотрю туда, куда смотрит мой друг, и натываюсь на серебристый взгляд.

Она смотрит прямо на меня.

Мы уже виделись. Эта она выходила из дорогушей тачки, когда я приехал в кампус пару недель назад. Тогда она выглядела по-другому, будто приехала сниматься в телешоу. Но сейчас передо мной стоит красотка в коротких джинсовых шортах и свободной футболке, которая оголяет одно ее плечо. На ее ногах ботинки на небольшом каблучке, и она не кажется высокой. Уверен, когда я подойду к ней, она будет смотреть на меня, как и все девчонки – снизу вверх.

Но она не будет на меня смотреть как все девчонки. И сейчас я имею в виду ее взгляд.

Отсюда я могу увидеть в ее серых глазах едва заметные голубые кристаллики. Словно ломаный лед, рассыпанный по пеплу.

Черт, эта девчонка коварный искуситель, змей, заползший в Эдем. Ее невинный и непорочный взгляд обманет кого угодно. И даже я поддаюсь ее гипнозу. Почему она так смотрит?

– Твою мать, – шипит рядом Майки. И чары будто рассеиваются, когда я заставляю себя отвернуться и посмотреть на друга.

– Ты знаешь, кто это? – спрашиваю я.

Он качает головой, не отводя взгляда от девушки.

– Я не знаю эту рыженькую, но нужно это срочно исправить.

– Эта первокурсница, – говорю я. – Я видел ее.

У нас строгое правило – никаких первокурсников. В Кроуне один минус – быть первокурсником. Но если ты пережил этот год, то все двери в Раю перед тобой открыты. У «школьников» свои тусовки, и они считают дни до окончания года, чтобы вернуться в кампус с гордо поднятой головой и отрываться за предыдущий год.

Если эта девчонка каким-то хитрым способом попала на нашу вечеринку... придется ее наказать. И я не прочь это сделать.

– Наверное, – пожимает плечами Майки. – И я даже не против этого.

³ How We Roll – песня группы Hollywood Undead из альбома «Day Of The Dead» 2015

– Seriously? – Хотя, чему я удивляюсь.

– Подожди, она с Хейли. Я сейчас все выясню. – Майки ставит бутылку на колонку и идет в их сторону.

Не знаю, кто такая Хейли, но, если ее знает Майки, значит, она знала, что делала, когда привела сюда эту девушку. Чувствуя себя придурком, избегая ее горящего взгляда, я снова заставляю себя повернуть голову. Но она уже не смотрит на меня. Ее внимание обращено к подошедшему Майки, который протягивает ей руку и улыбается. Рядом скачет длинноногая блондинка.

Майки не обращает на нее внимания, его взгляд сосредоточен на рыжеволосой девчонке, от которой и я не могу оторвать взгляда. Я вижу, как она смущенно улыбается, но это не та улыбка, которую увидишь у стеснительных первокурсниц. Она не смущена, она будто играет, ее глаза метают серебристые молнии. Длинные с рыжим оттенком волосы ловят яркие блики в тусклом и дымном помещении. Я замечаю, что многие парни смотрят в ее сторону, и похоть легко читается на их лицах. Она произвела впечатление, не прилагая для этого никаких усилий.

Моя песня еще играет, и она слабо качает головой. Ей нравится. Да, ей нравится. Не знаю почему, но это приводит меня в дикий восторг. Я ставлю на повтор, словно доказывая ей «Да, это мы. Это все мы такие крутые». Но ничего не могу с собой поделать. Мои ноги несут меня в ее сторону, когда Майки убегает, наверняка за выпивкой, а блонди отворачивается поговорить с другой подружкой.

Она чувствует мое приближение, а я ощущаю ее флюиды. Еще шаг и оказываюсь лицом к лицу с той, которая странным образом заставила мое сердце подскочить до горла.

Линдси

Почему я так реагирую на него? Что в этом парне такого, что я не могу не смотреть на него?

Перед этой загадочной вечеринкой я узнала почти все о нем от Вэла. Когда мы сидели в кофейне, и он прошел мимо, Хейли вырвала меня из фантазии и вернула на землю.

– Кто этот парень? – спросила я.

– Иэн Клэй, – улыбаясь во весь рот, ответила Хейли.

Вэл недовольно пробурчал.

– А кроме имени? – Я жаждала узнать больше.

– Ты о нем многое услышишь, милая. Обратись к нашему журналисту. – Она кивнула в сторону притихшего Вэла. – А мне пора. – Она по очереди нас чмокнула и убежала, оставив за собой шлейф из запаха дорогих духов.

– Он тебе не нравится, – сделала вывод, отпивая кофе.

Вэл выдавил улыбку и поправил очки.

– Неа.

– У вас какая-то история?

– А я думал ты из нелюбопытных.

Это так. Но я склонна считать, что это особый случай.

– Как хочешь.

– Ладно, – не выдержал Вэл и улыбнулся мне.

Через десять минут я знала все о Иэне Клэе. Квотербек, капитан сборной университета по американскому футболу – «Орлов». Специализация – экономика, четвертый курс. Плохой парень из богатой семьи, которая живет здесь же в Лос-Анджелесе. Два года назад поразил весь кампус, начав встречаться с тихой девочкой с факультета литературы и начального обра-

зования. И не смотря на явную химию между ними, продолжал гулять с другими. Весь кампус знал о его изменах. Но его девушка все равно его прощала. Их пара из серии «хорошая девочка влюбляется в плохого мальчишку». Но сплетни сплетнями, а они до сих пор вместе и в последнее время, он на редкость ведет себя хорошо. То есть не сует свой член, куда не стоит. Их футбольная шайка чувствует себя в Кроуне королями, устраивая загадочные вечеринки, на которые каждый хочет попасть. В городе они тусуются в богатом районе и завсегдатаи в клубе «Х», в котором каждая отдельная тусовка носит определенную маску или бандану. Их драки и разборки с местными ребятами и даже опасной бандой из Комптона делают из них богов в этом кампусе.

Что ж, в общем, он живет, возможно, и не типичной, но роскошной студенческой жизнью и наслаждается каждым моментом.

Мне захотелось снова увидеть его. И чтобы он увидел меня. Честное слово, я не знаю, чем он меня зацепил. Я не планировала затащить его в постель или увести у девушки. Мне просто хотелось взглянуть. И когда Хейли предложила мне пойти на вечеринку, которую устраивали эти парни в городе, я с легкостью согласилась. Хейли сказала, что новичков и тем более первокурсников туда не пускают, но сама она бывала там часто и хорошо общается с одним из тех парней, так что со мной не возникнет проблем.

Про себя я усмехнулась, что там за вечеринка, на которую так сложно попасть и нужно обязательно иметь какой-то вес? Ведь это же просто студенты!

Но когда мы с Хейли подъехали к шикарному коттеджу на Хилл Драйв и попали внутрь, то все поняла. Здесь все говорило о том, что такого не увидишь и не почувствуешь нигде, ни на одной вечеринке в кампусе. И пусть это говорит та, которая ничего не знает о вечеринках.

Благодаря стенам, которые оббиты темными деревянными панелями, здесь сумеречная атмосфера. Большой холл, ведущий в просторную гостиную, где происходило самое интересное. Много раскованных девчонок и горячих парней, некоторые из которых выбирают общество Мэри Джейн⁴. Отличная музыка и выпивка. Я уверена, здесь получают вдоволь то, за чем приходят, будь то настроение, кайф, секс...

Я заметила, что моя персона привлекла к себе много внимания. Парни смотрели с восхищением, а девчонки враждебно. Странно, но я не волновалась, и глазами искала того, ради которого пришла. И когда я увидела его, время словно остановилось.

Он стоял с бутылкой в руке, опираясь на стену и прикрыв глаза, слушал музыку. Все, что я встречала и видела в своей жизни, не было похоже на этого парня или тексты этой песни. Ничего. Во мне загорелось дикое желание испытать это все. Почувствовать дикий восторг и кипение в крови от чего угодно. Просто почувствовать. И глядя на него, я уже это чувствовала. И пусть у него есть любимая девушка, мне будет хватать одного лишь взгляда. Я потерялась в мыслях и разум творил с моим телом невероятные вещи.

Но когда он посмотрела на меня, чувства обострились в миллионы раз. Мою кожу покалывало от его карих пронзительных глаз.

Его взгляд – это как испытать впервые оргазм. Любовь здесь не играет роли, да и физическое влечение тоже. Хотя оно есть, несомненно. Но все это не сравнится с тем, что я испытываю, глядя на его взъерошенные темные волосы и вены, проступающие на шее, движение кадыка, когда пьет из бутылки.

Парень, что стоял рядом с ним оказался возле меня и Хейли, и бум. Словно щелкнул выключатель. Я даже не запомнила его имя. Он убежал за выпивкой на кухню, а Хейли отвлеклась на знакомых.

Я хотела лишь бросить украдкой взгляд в его сторону, но увидела движение. Легкой походкой он направлялся прямо ко мне.

⁴ прим. Мэри Джейн – жаргонное название марихуаны в англоязычных и испаноязычных странах.

Я смотрю на низко висящие на узких бедрах джинсы и простую белую майку, глаза побежали по скульптурной груди, на его шее висит несколько цепочек с различными кулонами.

– Скажи мне, что ты особый случай, – низким сексуальным голосом он обращается ко мне.

Я поднимаю голову и смотрю на его красивое точеное лицо.

– Что ты имеешь в виду? – смело спрашиваю я.

Странно, но я думала, что потеряю дар речи, как школьница, но на удивление я спокойна.

Но внутри меня горит огонь, который в скором времени начнет пожирать тело снаружи.

Легкая усмешка касается его губ. Телесно я познала лишь одного мужчину и благодаря этому, имею права считать, что у меня есть опыт.

Иэн определенно мужчина, но молодой, который только встает на жизненный путь и наслаждается своей молодостью. Даже его запах сводит меня с ума. Словно он тот, в ком я нуждалась всегда.

– То, что первокурсникам вход запрещен.

Мои ноги подгибаются даже от звука его голоса.

– Я никогда не слышала, чтобы хоть в одном университете так принижали первокурсников.

– Кроун – единственный, – дерзко отвечает он.

– Я перевелась. Так что я второкурсница.

Он удивленно вскидывает брови.

– Хорошо. Тебе здесь нравится?

– Определенно.

– Раз ты здесь с самых первых дней учебы, значит, ты достойна. – Его самодовольное заявление никак меня не задевает. Думаю, это комплимент. Я усмехаюсь и слышу его голос: – Я Иэн.

– Линдси.

Он кивает и стискивает челюсть. Обычно в таких случаях начинают болтать и расспрашивать, на каком факультете учатся и в какой комнате живут, но нам хватает только имен. Затем он делает то, чего я никак не ожидала. Иэн протягивает руку и касается пряди моих волос. Кончики его пальцев задевают мою щеку, и я вздрагиваю. Он не улыбается и не флиртует, и честно говоря, я не понимаю, зачем он это сделал. Это очень интимный жест, и наверняка его многие видели. Значит, он продолжает изменять своей девушке, и я для него «свежее мясо».

Но... черт возьми. Как бы то ни было, мне это нравится.

– Выпивка. – Недавно убежавший парень с хаером на голове возвращается и протягивает мне бокал с какой-то жидкостью. – Вы уже познакомились?

– Ну, конечно, – отвечает Иэн, беспечно пожимая плечами.

– Спасибо э-э..., – черт, как зовут эту голливудскую рок-звезду? – Спасибо.

Иэн краем глаза видит мое замешательство и усмехается.

– Майки, – многозначительно говорит он, обращаясь к другу, но глядя на меня. – Чем ты угощаешь нашу, впервые попавшую сюда, гостью?

Майки, точно! Спасибо.

– Нууу ром и...

Я морщусь, а Иэн смеется.

– Он совсем не джентльмен, красотка, – говорит он, посмеиваясь. – Может вина или пива?

– Пива было бы неплохо, – улыбаюсь я.

Майки фыркает.

– Ну да я облажался. – Похоже, его это не слишком-то беспокоит.

– Плохой хозяин, плохой, – словно своего провинившегося пса, Иэн шутя ругает Майки.

– Вали отсюда, – с улыбкой бормочет тот.

Я смеюсь и ловлю на себе его взгляд.

– Принесу пиво, – говорит Иэн и начинает медленно уходить.

Майки пытается мне что-то сказать, но тут вмешивается миниатюрная брюнетка. Она хватается за плечо и тихо приветствует.

– Спенс. Ты уже отработала?

– Да, уехала раньше, – отвечает она, оглядываясь. – Где Иэн?

Парень указывает бутылкой в сторону уходящего Иэна. Затем он что-то спрашивает у меня, но я не слышу. Я зачарованно наблюдаю, как эта красивая девушка окликает Иэна. Он разворачивается и удивленно вскидывает брови. Затем тянет ее к себе.

Это его девушка. Девушка, которую он любит, и которая любит его.

Странное чувство подкатывает к горлу, но странным образом не похожее на ревность, когда он целует ее и бросает еще один взгляд в мою сторону, прежде чем скрыться, держа ее за руку.

Глава 7

Линдси

– Черт, Линдс, почему Клэй на тебя так смотрит?

Я отрываю глаза от компьютера. Мы снова буравим друг друга взглядами. Он сидит чуть поодаль, на том же ряду, где сидим я и Вэл. Перешептывание вокруг нас не прекращается уже пятьдесят минут.

Честно говоря, я не ожидала, что увижу его здесь, когда пришла утром сонная на лекцию. Но курс философии оказался общим, так что его посещают практически все.

– Понятия не имею.

– Вижу, что вчерашняя вечеринка прошла удачно. Хейли вообще нигде нет.

– Не волнуйся, она в порядке. Она пришла за час до занятий, так что... – я подмигиваю Вэлу.

– Ну а ты? – не понимает он.

Думая о вчерашнем вечере, я прихожу к выводу, что я дешевка. Мотив возможно и отличается от того, что у меня было с Николасом, но та же тема – он занят.

Вчера Иэн ушел с другой, и он всегда это будет делать, если я буду частой гостей на их вечеринках. Но это ни коем образом не должно задевать меня. И не будет.

Пусть смотрит – я буду смотреть в ответ. Пусть хочет – я тоже буду хотеть. Пусть это будет лишь в воздухе и наших мыслях. Я больше не стану трогать то, что мне не принадлежит, и не стану ни чьим трофеем или отдушиной.

Секс с Иэном – это только мечта, но я уверена, что ее легко воплотить, судя по его взгляду. Но я не стану. Не ради его девушки, а ради себя самой. То чувство отвращения к себе может вернуться.

– Эй. – Вэл щелкает перед моим носом пальцами. – Ты в порядке?

– Д-да, – рассеяно отвечаю я.

– Так что на счет вчерашнего?

Я закатываю глаза.

– Любопытство – это дурной тон, – фыркаю я.

– Это называется «дружбой», а не любопытством, – поправляет меня Вэл. – У этих парней хреновая репутация.

Он прав. Не по поводу хреновой репутации, а по поводу дружбы. Вэл старается сблизиться и мне немного дико от этого, но он терпелив и его навязчивость, странным образом, совсем не отталкивает.

– Я познакомилась с несколькими ребятами и повеселилась. – А если серьезно, я все же выпила предложенный Майком ром и выкурила косяк. Хейли оставила меня с девчонками, а сама закрылась с каким-то парнем наверху. В итоге, она там осталась. А нас отвез до кампуса тот же Майки. – Короче говоря, было здорово.

– Ладно. – Вэл прекращает свой допрос.

Наверное, он ожидал подробностей. Но я считаю, нам нужно еще немного времени. Выдохнув, я закусываю губу, прежде чем снова посмотреть налево.

Он смотрит.

Черт, весь мой план полетит к черту, если Иэн сейчас подойдет и уведет меня в какой-нибудь угол. Я хочу его. Хочу.

Последнее, что я хотела так это заикнуться на одном парне и сходить с ума.

Лекция заканчивается, и все соскакивают со своих мест. Иэн уходит одним из первых, и воздуха в помещении становится больше, словно он один им дышал, а все остальные просто не смели. Это чистой воды мазохизм, но я от него в восторге.

– Что у тебя? – спрашивает Вэл, когда мы идем по коридору.

– Окно.

– Круто, у меня тоже.

– Давай пройдемся и выпьем что-нибудь? – предлагаю я.

– Всегда «за», – подмигивает Вэл.

Мы выходим из здания и спускаемся с высокого крыльца. Во время перерыва царит хаос.

По вымощенной булыжником территории возле колледжа литературы и наук, стоят столики, и все они заняты, главным образом, не занимающимися студентами, а отсыпавшимися. Я уже поняла, что Лос-Анджелес не место для учебы. Этот город полон огромным количеством соблазна, перед которым невозможно устоять.

Пока мы идем, многие кричат мне «привет» и «как дела». Я отвечаю, но совсем их не помню.

– Ты уже знаменитость, – нараспев говорит Вэл.

– Бутылка рома и добрый косяк сделают знаменитостью кого угодно, – невесело парирую я.

– Знаешь, я не удивлен, – продолжает он.

– Как это понимать?

– Тебе двадцать, ты впервые в колледже. Почему бы и нет, – с умным видом отвечает он.

– Так. Хорошо. Ты раскопал, что я училась дистанционно. – Я даже не спрашиваю и не удивляюсь.

– Ну как же иначе.

Мы подходим к кирпичному островку под навесом. Вэл покупает газировку себе и обычную воду мне.

– Чем займемся кроме учебы? – спрашивает Вэл, когда мы, болтая проходим мимо факультета изящных искусств.

Точно. Мы говорили как-то об этом.

– Слушай, – улыбаюсь ему. – Ты занят газетой, радио и еще кучей дел. Тебе хочется еще заниматься чем-то со мной?

– А что? – Вэл улыбается. – Я очень разносторонний человек.

– Ладно. Для начала назначим время для пробежки, потом... не знаю, придумаем что-нибудь.

– Чем ты еще хочешь заниматься? – настаивает он.

– Ну, я много рисовала и занималась музыкой, – начинаю я медленно. – Мне нравилось изучать языки и...

– Постой. – Вэл встает прямо передо мной, и мы останавливаемся. – Ты что из тех семей, где заставляют своих детей быть первыми во всем? Внушая им с детства, что они особенные.

Последнее я бы подправила. Но в целом, так и есть. Пожав плечами, я решаюсь:

– Все школьные годы и все время, что я себя помню, я всегда была чем-то занята. В четыре года меня возили на балет, с десяти меня учили фехтованию и верховой езде, а дальше – музыка, рисование и так далее.

– Ничего себе. – Вэл снова встает рядом, и мы возобновили прогулку. – Сколько языков ты знаешь?

– В совершенстве три. И несколько так, – я покрутила пальцами. – Только фразы.

– И ты собираешься стать психологом, – не спрашивая, уточняет Вэл.

– Посмотрим.

– Ты единственный ребенок в семье?

– Это очевидно, – улыбаюсь я. – Еще и поздний.

– Черт, твои предки должно быть рехнулись, раз позволили из Йеля перевестись не Гарвард или Принстон, а сюда. Столицу порока.

– Эй, полегче. – Стараясь разредить обстановку, я пихаю его локтем. Знал бы он правду.

– Столицу порока? Мы же не в Амстердаме.

– Согласен. – Он разводит руки. – Слегка перегнул. Кроун тоже престижный.

Минуту мы идем молча.

– Ну, так что на счет Клэя? – Очевидно, Вэла это серьезно волнует.

– Что на счет него?

– Не притворяйся.

– Ну пялился он на меня и что? – защищаюсь я. – Вчера он был со своей девушкой.

– Понятно, – ехидно говорит Вэл. – Если бы ее там не было, он бы окучивал тебя.

В его словах есть резон. До рома и травки, я была под еще большим кайфом от присутствия Иэна. Он смотрел и даже дотронулся до меня. Он ушел за пивом, но так и не вернулся, потому что приехала его девушка. Как бы дальше он себя вел, если бы ее не было?

– Я не подстилка, – спокойно говорю я.

– Я этого не говорил, – тихо отвечает Вэл.

– Знаю. – Немного поразмыслив, я спрашиваю: – Он действительно такой козел, каким ты рисуешь его?

Вэл странно смотрит на меня, затем вздохнув, отвечает:

– Я не знаком с ним близко, я сужу лишь по фактам. Да, он засранец и изменял Спенсер. Это знают все. Но также всем известно, как он любит ее. Они дружили целый год, прежде чем сойтись. Он может делать такие вещи, но только не мне судить об их отношениях. Никто не сомневается в том, что однажды они поженятся. Спенсер замечательная, я хорошо ее знаю. Ему есть за что ее любить, а значит, и ей есть за что любить его. Таковы мои выводы.

Слушая его, я все еще не могу определиться, восхищена ли я этим или задета. Чем больше я об этом думаю, тем больше блуждаю. Лучше не стоит даже разбираться. Иначе я увязну.

– Давай, возвращаться, – переводя тему, говорю я. – Вечером на пробежке расскажешь мне свою итальянскую трагедию.

Вэл смеется.

– Замётано.

Нам не удастся поговорить о семье Вэла. Хейли бежит с нами, и все это время болтает о разной чепухе. Наши отношения с ней складываются иначе, чем с Вэлом. С ним мы пытаемся рассказывать друг другу личные вещи, хотя мне все еще сложно. Но с Хейли не нужно было обсуждать ничего подобного. Я могу смело сказать, что она очень поверхностна, но это не отталкивает меня от нее. Даже наоборот. Она не интересуется о моей семье и не рассказывает о своей, и это устраивает нас обеих. Я так думаю, что мы просто приняли негласное решение вместе ходить на вечеринки.

После пробежки я иду в душ и смываю вместе с потоком ненужные мысли. Я тру свое тело и мои руки ползут между ног, когда я вновь и вновь думаю о Иэне. Я никогда не занималась самоудовлетворением, но чувствую, что на данный момент это мне просто необходимо.

Что если я займусь с ним сексом? Один раз. Это закончится или станет хуже?

Кого я обманываю.

Но я решила, что не стану ввязываться в это. Не буду ждать принца и любовь всей жизни, просто займусь с кем-нибудь сексом, потому что это нормально. Хотеть заниматься этим и заниматься. Мои мысли от Иэна плавно переключились на Николаса.

Скучает ли он по мне или завел другую любовницу? Его жена беременна и сомневаюсь, что он начал хранить ей верность.

Почему люди изменяют друг другу? Даже когда любят? И вот я снова думаю о нем.

Иэн.

Пальцами я приближаюсь к ноющим и набухшим складкам, но меня грубо обрывают.

– Куколка, поторопись! – кричит Хейли. – Тут кое-что намечается.

Чертыхаясь, я выхожу из душевой кабинки и надеваю махровый халат. В нашей комнате, кроме Хейли еще две девушки. Они обе в мега-коротких платьях и на высоких каблуках. Я их помню. Вчера мы тусовались вместе.

– Привет, – хором говорят они.

– Привет.

– Так. – Хейли встает посередине комнаты с двумя платьями в руках. – Это или это?

– Лучше красное, – советует, кажется, Дженна? Я помню, как ее черные волосы наматывал какой-то парень и засовывал свой язык ей в рот.

– Ладно, – говорит Хейли и смотрит на меня. – Ты чего замерла? Живо собирайся.

– Куда? – недоумеваю я.

– Мы едем в Пасадену, – вставляет вторая девушка с короткой ассиметричной прической. В ее светлых волосах проскальзывают черные пряди, и, к сожалению, ее имени я тоже не помню. – Сегодня выступает Дин в одном баре. Ты не пожалеешь. Надеюсь, у тебя есть фальшивое удостоверение?

Я киваю. Николас сделал его для меня еще тогда, когда я училась в школе.

– Точно, – соглашается Хейли. – Сиерра уже год пытается залезть в штаны к этому бедному музыканту.

Та показывает ей язык.

– Мы же только вчера были на вечеринке, – пытаюсь сопротивляться я. Хотя заинтригована идеей, послушать живую музыку.

– Детка, это ЭлЭй, а не Йель. Отвыкай и не будь ханжой.

– Ладно, только мне нужно время собраться.

– О, мы тобой займемся. – Дженна соскакивает с моей кровати и подбегает ко мне.

Я даже не успеваю понять как, но она резко сдергивает с меня халат и одобрительно кивает:

– Классные сиськи.

– Ага, – соглашается Хейли. – И ножки. Клэй вчера исходил слюной, если кто не заметил. Девчонки смеются, а я прикрываю грудь.

– Это не для него.

– Так точно, – подтверждает Хейли. – Тем более, я слышала, что он заявил парням, что отныне он идеальный бойфренд.

Все закатывают глаза, и во мне разгорается любопытство. Я надеваю футболку, а Сиерра принимается сушить мне волосы феном.

– Ну и кто из вас попался на его удочку? – как бы случайно интересуюсь я.

– Никому из нас не посчастливилось, – вздыхает Дженна. – На тот момент мы были первокурсницами.

Ох, точно. Я забыла, что здесь царит определенная политика. И этот ответ меня радует.

Через полчаса у меня высушены и выпрямлены волосы и на мне облегающее черное платье от Валентино.

Вчетвером мы выходим из общежития и направляемся к парковке.

– Вот она, моя девочка, – щебечет Сиерра, забираясь на водительское место новенькой красной «Шевроле Комаро».

– А где твоя машина? – обращается ко мне Хейли.

По моим вещам они уже конечно поняли, что я не из семьи среднего класса. А значит, у меня должна быть своя машина. У меня она была, только с личным водителем.

– Я наказана, – отмахиваюсь я. – И пока без машины.

Водить я научилась, и права у меня тоже есть. Я много думала о том, как бы поговорить с отцом о машине. Думаю, напишу ему электронное письмо.

– Хреново, – говорит Дженна.

– Пустяки. – Хейли открывает заднюю дверцу «Комаро». – У Линдси есть мы.

Когда я только собираюсь забраться на заднее сиденье, меня останавливает шум. Через несколько машин парни, которых я уже знаю после вчерашней вечеринки, улюлюкая забираются в черный внедорожник. Я сразу замечаю Иэна. На нем темные джинсы и кожаная куртка поверх белой майки. На шее болтается какой-то платок, впрочем, как и у всех парней. Вэл говорил, что они тусуются на Сансет Стрип в каком-то крутом клубе.

– Как я хочу быть там, – кивком указывает Сиерра в открытое окно. – И на хрен мне не нужен будет Дин.

– Подберите челюсти, дамы, – важно объявляет Дженна с переднего сиденья. – Поехали.

Я все еще смотрю, как Иэн с широкой улыбкой кидает что-то Майки. Затем видит меня. Его улыбка медленно сползает, и магнитное поле снова образуется между нами. Я вижу, что он оценивает мой вид. Надеюсь, ему нравится то, что он видит.

Он первым отводит взгляд и забирается на водительское место.

– Линдси, – зовет меня Хейли.

Я медленно начинаю садиться в машину и замечаю, как Майки заклеивает номер внедорожника табличкой, которую кинул ему Иэн. На табличке тоже номер, но выглядит как часовое табло – 17:29.

Глава 8

Иэн

В аудитории стоит полнейшая тишина, ну если не брать в расчет нудявый голос профессора Уолша. Я привалился щекой к столу и стараюсь выспаться, потому что прошлой ночью не спал. Нет, я не напился, мы даже не дрались с шайкой Алроя, просто потому что их не было в «Х» прошлым вечером.

Мне не давали спать ее глаза. Приехав в общежитие, я завалился на кровать и ворочался до рассвета, прокручивая тот день, когда она появилась на нашей вечеринке и то платье, в котором она была на стоянке. Меня не покидали мысли, вернулась ли она? С кем она? И самый главный вопрос: смотрит ли она на кого-нибудь так же как на меня?

Меня убивает то, что я о ней, думаю и не могу найти этому объяснения. Я уверен, что я один из многих, кого заинтересовала эта девчонка, но, черт возьми, эти глаза... Искуситель, дьявол, боже этому нет объяснения. Не знаю, в какие игры она играет и зачем, но я вижу не то, что другие. Она не миленькая, как трепались о новенькой девчонки в бассейне. Далеко не миленькая...

– Мистер Клэй.

Я поднимаю голову и вижу, что все уставились на меня, в том числе и профессор Уолш.

– Вы согласны со мной? – спрашивает он.

Черт, понятия не имею, о чем он. Сэд тычет меня справа и кивком указывает на экран своего ноутбука.

– Да, сэр, – бодро отвечаю я. – Согласен.

Сэд качает головой, а профессор Уолш продолжает свой допрос:

– То есть вы согласны, что именно в этом заключается четвертая причина кризиса на фондовом рынке на сегодняшний день?

Он меня подловил. Я не тупой, и мои оценки доказывают это, но я не всегда в форме, чтобы обсуждать подобные темы.

– Я как раз просматривал это на форуме. – Я показал на свой компьютер, на котором собственно и спал. – И нет ничего, что бы доказывало это.

Сэд одобряюще хмыкнул и девчонки с нижних рядов захихикали. Профессор Уолш еще раз подозрительно взглянул на меня, затем поправил очки и продолжил лекцию.

– «Черный понедельник», – шепчет мне Сэд.

– Да уж понял, – киваю я в ответ, просматривая страницу на экране о падении Промышленного индекса Доу-Джонса. Этот Доу просто финансовый гений.

После лекции я бегу искать Спенс, потому что мне просто необходимо ее увидеть и почувствовать ее тепло. Чтобы забыть этот дьявольский взгляд, который меня преследует, и ощутить себя дома.

Но натякаюсь на то, от чего бегу.

Она стоит у автоматов под кирпичным островком и кивает, попивая кофе. Рядом с ней какой-то резвый ботан в очках громко разглагольствует. Это ее дружок? Или что? Мне просто любопытно, и я сам того не осознавая, иду в их сторону. Я бы мог найти тысячу причин и оправданий, но самым верным будет то, что ноги сами меня несут.

Ха. Очень по-мужски.

– Привет. – Она сразу реагирует на мой голос и начинает меня сканировать. Пытаясь скрыть дрожь от этого взгляда, я продолжаю: – Как колледж?

– Привет, – прикусив губу, отвечает Линдси. На ней снова простые шорты и футболка.

Как странно, вчера она была совершенно другой, но в то же время той же самой. – Мне нравится.

И все. Весь наш разговор?

– Я Клэй. – Я протягиваю руку шуплому парню в очках. Чаще всего я называю фамилию, вместо имени.

– Знаю. – Он жмет мою руку сильным пожатием, но его взгляд хмурый. Да, ладно. Он ревнует? – Вэл.

Я хмыкаю и обращаюсь снова к Линдси. На солнце ее волосы кажутся слишком рыжими, они блестят и, не смотря на ее образ соседской девчонки, уложены идеально – волосок к волоску.

– Итак, как прошел вечер? Я видел вас на парковке вчера.

Я видел только *тебя*, – исправляю себя мысленно. Не представляю, кто еще там был.

– Мы слушали какую-то группу в баре, было весело, – отвечает она. – Ну а как повеселились вы?

– Как обычно, – самодовольно говорю я. – Но в этот раз довольно тихо.

Парень в очках усмехается, но я ничего ему не говорю, потому что это будет глупо. А я не хочу казаться глупым рядом с ней. Да и с чего мне вдруг реагировать на звуки какого-то ботана. Боковым зрением я замечаю спускающуюся со ступеней Спенс и быстро заканчиваю разговор. Вообще мне этого не хочется, но чего еще больше я не хочу, так это целовать Спенс и смотреть на Линдси. Я дал честное слово, прежде всего самому себе, что больше не сделаю больно любимой девушке.

– Рад был увидаться, Линдси. И с тобой, э-э Вэл.

Она ничего не отвечает, даже не улыбается. Ее реакция вводит в ступор, но я не из тех, кого можно поставить в неловкость. Я просто ухожу.

Линдси

– Ты шутишь, – говорю я, подгибая под себя ноги на офисном стуле.

После занятий я пошла с Вэлом в редакцию «Кроун вижн», где он объяснял мне, в чем заключается его работа. Он хотел и меня заманить, но я твердо отказываюсь торчать в этой каморке, сидя за компьютером. Этот странный парень стал мне другом, и все свободное время мы проводим вместе, если не считать тусовки с Хейли и ее подружками.

Прошлый вечер был просто обалденным. Мы слушали Дина, очень харизматичного и сексуального музыканта, а потом по старой схеме: алкоголь, травка и танцы. И я не чувствовала себя плохой, я ничего никому не должна и не сделала ничего ужасного. Даже не переспала с тем парнем, который клеил меня весь вечер. Когда он касался меня, я представляла руки Иэна, но мне было мало, и я злилась. Потому что не знаю, какими могут быть его прикосновения. Мне нужно это почувствовать или я сойду с ума. Хотя именно это я и делаю с тех пор, как увидела его.

Вэл крутится на стуле, вызывая у меня головокружение, и улыбается:

– Это правда. Моя мама влюбилась в моего отца, и они сбежали в Такому. Там-то я и родился, и только в семнадцать лет узнал, что мой дедушка нефтяной магнат. После смерти мамы он нашел меня и вот я здесь.

Я минуту перевариваю эту информацию.

– А твой отец?

– Он утонул, когда мне было пять. Несчастный случай.

Глядя на Вэла трудно представить, что его детство было таким трудным. И как в сказке пуф! Все изменилось. Из хижины во дворец.

– Мне жаль, – говорю я.

Он кивает и пожимает плечами.

– Как в сказке, да? – озвучивает мои мысли Вэл.

– Действительно, – соглашаюсь я. – Ну а ты, не злился на бабушку? Он ведь даже не знал о твоём существовании?

– А был ли у меня выбор, – отвечает он. – Хотя знаешь, нет, не злился и не злюсь. Возможно, он и знал обо мне. Его гордость не позволяла связаться с мамой.

– Это... – я не нахожу просто слов. – Ты был прав, это как итальянская трагедия. Как в кино.

– Ага, – широко улыбается Вэл. – Мало кто поверит.

– Ты никому не рассказывал?

– Не особо, – неохотно отвечает он.

– Почему же рассказал мне? Да и еще и в первую встречу. Я ведь приняла тебя за сумасшедшего.

Вэл прекращает крутиться на стуле и серьезно смотрит на меня.

– Прежде чем ответить, я кое-что спрошу. – Его глаза наливаются темной зеленью. Когда Вэл серьезен, он становится совсем другим. – Ты увлекаешься гипнозом? В смысле, как у тебя так получается?

– Что? – недоумеваю я.

– Твой взгляд ... – он запинаясь. – Я не могу не говорить правду, когда с тобой. Ты странная.

Я смеюсь и откидываю голову на спинку стула.

– Не заливай мне, что ты посмотрел в мои глаза и выложил правду. Мы не в вампиров тут играем.

– Но это правда, – упирается он.

– Чушь, – отмахиваюсь я. – Но как бы то ни было, я рада, что ты поделился со мной?

– К вашим услугам, – игриво кланяется Вэл.

Перестав смеяться, я вглядываюсь в его лицо. Он умный, забавный и привлекательный. Но почему-то один. Вспомнив его неоднозначную реакцию на Иэна, я говорю:

– Ты был не рад, когда Иэн подошел.

Он странно смотрит, затем выдавливает улыбку.

– Я должен был визжать от радости?

– Брось, Вэл, он же просто подошел, ничего такого. Тем более, вы познакомились лично.

– Я стараюсь вбить себе все это в голову, и сама же злюсь от своих догадок. Да, он просто подошел. Ничего такого? Мы общались на вечеринке и все. Но все-таки я надеюсь, что он подошел не просто так. И эти противоречия съедают разум.

– Знаешь, сколько раз в прошлом году мы познакомились? – вырывая меня из собственных мыслей, говорит Вэл.

До меня не сразу доходит, но, когда я понимаю, что он имел в виду, почему-то стараюсь оправдать Иэна.

– Может он был пьян и не запомнил или... слушай, я не знаю. В любом случае, глупо так реагировать.

Вэл усмехается.

– Думаешь, я обижаюсь как маленький ребенок на то, что Клэй меня не запомнил? Да плевать мне на это.

Я пожимаю плечами и вытягиваю затекшие ноги.

– Вэл. – Меня озарило, и я хочу это с ним обсудить. – Не злись на Хейли, ты же знаешь ее. Она мне рассказала, что твоя девушка в прошлом году изменила тебе, и вы расстались.

Он хмурит брови и вздыхает.

– Это правда.

По голосу я не могу понять, грустит ли он по этому поводу до сих пор или смирился?

– Тебе до сих пор больно?

– Неа. – Вэл машет рукой. – Что было, то было.

– Но? – подталкиваю я.

Вэл сдаётся.

– Это были мои первые серьёзные отношения с девушкой.

Да, наверное, это хреново. Но я с этим не сталкивалась.

– Я к чему веду, – продолжаю. – Может ты, поэтому злишься на него? То, что твоя бывшая изменила с одним его друзей-футболистов? Хейли говорила, что это был один из «Орлов».

Ноздри Вэла раздуваются, и он начинает часто дышать. И тут меня ослепляет вспышка.

– Это был он, – тихо говорю я. – Она изменила тебе с Иэном.

Судя по его взгляду, я права. Ну, ничего себе. В голове сразу строится картина, я представляю себя на месте этой девушки и... не могу винить ее. Это мерзко и подло, но... Это Иэн. Я чувствую себя сукой за такие мысли. Вэл мой друг. Хорошо, что он не слышит мои мысли, иначе возненавидел бы меня.

– В тот вечер, – говорит Вэл сухо. – Мы со Спенс столкнулись в баре, где она работает. Я попросил ее помочь мне с одним проектом, и она помогала в перерывах. Я так был благодарен. Представляешь, какая ирония? Я был со Спенс, пока ее дружок трахался с моей девушкой в раздевалке?

Охренеть! Этот кампус меня все больше удивляет. И главным образом, во всем этом бедламе, что здесь происходит, участвует Иэн Клэй.

– Спенс, конечно же, простила. Она даже у меня прощения просила. Ну а наши отношения с Лизой были разрушены.

– И где она теперь? – спрашиваю я.

– Уехала по обмену, – облегченно отвечает Вэл. – Но суть не в том, какой она сукой оказалась. Я это пережил. А в том, что у этого сукиного сына нет совести, он даже не помнит меня, то, что испортил мне первый, и без того, паршивый год. А Спенс, она...

– О, она святая. – Я даже не хотела, чтобы это прозвучало как сарказм. Но именно так это и прозвучало. – Слушай, ты сам говорил, что они любят друг друга, несмотря ни на что и бла бла бла. Так что забудь обо всем и не забивай голову. Мы больше не будем это обсуждать.

Мне надоело говорить о Иэне. Я хочу лишь думать о нем. И все эти грязные подробности меня никак не касаются.

– Ты права. Нам пора прекратить о нем болтать. Просто он так смотрит на тебя.

– Волнуешься, что я тоже прыгну в его постель? – спрашиваю я.

Вместо ответа Вэл прищуривает глаза.

– Все, закрыли тему.

– Согласен. – Вэл кладет руки на колени. – Я хочу увидеть, как ты рисуешь. Не терпится узнать о твоих скрытых талантах.

Глава 9

Иэн

– Как мама? – Я поднимаю глаза на отца и вглядываюсь в его выражение лица.

Наверное, я сделал правильно, спросив о ней в первую очередь, когда мы встретились в ресторане на побережье Санта-Моники.

– Ты спросил, потому что действительно тебе интересно или потому что ищешь моего расположения? – Голос отца тверд, как и его глаза. У нас разладилось в последнее время, но все равно он самый лучший отец, какого можно только вообразить.

– Мне интересно, папа, – смело отвечаю я, отпивая безалкогольный коктейль.

Он не верит, но и не считает меня совсем бессовестным, я читаю в его глазах понимание.

– Сегодня она не вспоминала тебя, – извиняющимся тоном отвечает отец. – Но она все время думает о тебе.

– Как ты можешь знать об этом? – спрашиваю я, не глядя на него.

Крики чаек и плеск волн доносится со стороны пляжа. Я откидываюсь на кресле и надеваю на глаза солнцезащитные очки. – Не помню, когда в последний раз она смотрела на меня как на своего сына.

Я волнуюсь, что снова разозлил отца, но судя по его вздоху, это не так.

– Иэн. – Отец ставит локти на стол и всматривается в мое лицо. – Это трудно, и я сожалею об этом. Но это случилось. Нам нужно справиться с этим. Я больше не хочу ударять тебя.

На последней фразе голос отца дрожит. Он никогда не позволял себе такого, но его нервы натянуты как струна, и я ни в коем случае не могу обвинять его за то, что он ударил меня. Я заслужил этот удар.

– Я не злюсь на тебя, папа, – мягко отвечаю я.

Он кивает и отводит взгляд в сторону. Его лицо уже бороздят морщины, это именно те отметины, которые определяют не возраст, а стресс.

– Как у тебя дела с учебой? – интересуется отец, меняя тему.

– Все хорошо. Есть некоторые проблемы с математикой.

Папа усмехается, потирая подбородок.

– Ты же знаешь, что она очень важна.

Я кривлю губы и тоже улыбаюсь.

– Спенс мне очень помогает в этом плане.

Наверное, было глупо ожидать, что отец что-нибудь ответит на это. Или хотя бы спросит, кто такая Спенс. Но он помнит о ней, знает, кто она такая. И меня убивает то, что он молчит.

– Это ведь важно для меня, – вздыхаю я.

– О чем ты? – недоумевает отец.

– Спенсер. Она важна для меня.

Он молчит.

Проклятье! Почему он молчит?

– Папа, – давлю я.

– Что? – раздраженно отзывается он. – Что мне сделать? Я же не запрещаю тебе встречаться с тем, кем ты пожелаешь. Я никогда тебе никого не навязывал, хотя мог бы.

Да, он мог бы. Но полное отсутствие интереса к девушке, которую я люблю, приводит еще в большее разочарование, чем если бы то, если бы он запрещал.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Ты молод и все еще может изменить свое мнение. Сначала сосредоточься на учебе, – отмахивается он.

– Мне скоро двадцать два. Это мой последний год в колледже. Я хочу... – я запинаясь, – планирую провести с ней остаток своей жизни. Она замечательная, папа.

Он снова молчит.

Я готов взорваться и перевернуть этот чертов стол. Или же наоборот – забиться под него и выть от безысходности.

– Скажи мне, – продолжаю я. – Это ведь не из-за того, что она из небогатой семьи? Они не бедны, у ее отца хороший бизнес. Вся ее семья, они прекрасные люди. Ты хоть представляешь, какого мне, когда я вижу их? Я хочу, чтобы и у нас дома была такая атмосфера. Она может принести ее в наш дом. – От длинной речи, мое горло пересохло. Я отпиваю коктейль и продолжаю: – Это невыносимо – не иметь возможности познакомиться ее с мамой. Но я могу хотя бы познакомиться ее с тобой.

Проходит мучительная минута, прежде чем отец начинает медленно произносить слова:

– Не имеет значения, сколько денег у ее семьи. Но... – он делает паузу. – Ты говорил ей о маме?

Не скрою, но этот вопрос застает меня врасплох. Хотя это глупо, ведь это первое, о чем я должен был рассказать любимой девушке.

Папа воспринимает мое молчание за ответ и продолжает:

– Что ты в таком случае сказал ей?

– Сказал, что мама путешествует.

– Ты это серьезно? – строго спрашивает он.

Я киваю, и на его лице появляется разочарование.

– То есть ты предпочитаешь говорить друзьям, что твою маму где-то носит по свету в то время, как она лежит прикованная к кровати и нуждается в тебе?

Я знаю, как это выглядит. А именно так, будто моя мать ветреная женщина, – одна из многих – которая тратит деньги мужа и не видится с родным сыном. Но никто особо не интересовался моей семьей, кроме Спенс. Ей я пытался выложить достоверную историю, не подвергая сомнению любовь, которая была между моими родителями. Она и есть сейчас, просто мама не помнит о ней. Но папа помнит.

Я чувствую себя при этом ужасно, но не могу найти серьезное оправдание тому, почему Спенс не знает правду о моей матери. Это совершенно не соответствует тому, какой я вижу ее. Она бы поняла. Она бы сделала все, чтобы вывести мою вину из моего нутра. Но я продолжаю молчать, втайне наслаждаясь этой виной, наказывая себя и продолжая лгать.

– Что ж. – Отец достает бумажник и кладет купюры на стол. – Мне нужно на работу, сынок.

Он поднимается и надевает солнцезащитные очки. Я поднимаюсь вслед за ним.

– Мы ведь не договорили.

– Я все уже понял, Иэн. Я искренне верю, что ты влюблен в эту девушку. Когда будешь готов раскрыть ей все, обнажить свою душу, тогда я буду готов взглянуть на ту, которая завоевала твое доверие.

– Это одно из условий? – уточняю я. – Рассказать ей о маме, и ты будешь готов принять ее?

Он качает головой, и легкая снисходительная улыбка касается его губ.

– Это не условие, как ты не понимаешь. Это не то, чем я готов жертвовать. Это болезнь твоей матери. И ты должен четко представлять, хочешь ли ты убежать от проблем и забиться с этой девушкой, или же отдать все до последней капли. – Он кладет руку на мое плечо и крепко сжимает. – Не идеализируй людей, сынок. Если ты не рассказал самое важное, то что-то не так.

Он обнимает меня и уходит.

Я плюхаюсь на стул и обдумываю его слова. Возможно, он прав, что со Спенс я пытаюсь забыть. Но ведь есть же причина, по которой она не знает о моей маме. Я не сомневаюсь в ней, но что-то меня всегда останавливало. Отец неправ лишь в одном – я не идеализирую Спенс. Она и впрямь такая. Это вижу не только я. Он просто ее не знает.

Собравшись с мыслями, я иду на парковку и решаю, что пришло время поговорить с ней о маме.

Запах мужского пота, громкая жесткая музыка и смех моей команды – когда все это сливается в сплошную какофонию, невозможно даже думать о чем-то, кроме предстоящей победы.

После тренировки на поле мы идем в качалку, чтобы немного покачать мышцы. Холл и без того огромный махина, не останавливается, поднимая штангу, при этом матерясь, как ненормальный. Это его особый метод.

Тренер входит в зал и вырубает музыку.

– Первая игра через четыре дня, парни. У вас три дня на ваших девочек и два дня права на алкоголь. Все как обычно, не подведите меня.

Мы одобрительно галдим. Это нам известно. Тренер уходит, и какофония возобновляется.

– Клэй. – Майки подходит ко мне и трясет мокрой потной головой. – Что делаем вечером?

– Посмотрим. – Я пожимаю плечами.

У меня был план, но Спенс работает и если честно, я почувствовал облегчение, когда узнал об этом.

– У Сэда в городе кто-то из родных в городе, он уедет. Холл хочет тупо потрахаться. Не знаю, как остальные, но я предлагаю посмотреть телек и завалиться спать.

Я усмехаюсь.

– Идеальный план, чувак. Но позже мне нужно забрать Спенс, и мы останемся у вас.

– Без проблем. – Майки хлопает меня по спине и уходит.

Не моргнув глазом, я доверю друзьям свою жизнь. Если мы не ведем душевные беседы, это не значит, что нам плевать, что с нами происходит. В отличие от других, Майки четко видит, что я на взводе. Никогда не выделял кого-то из друзей, но уверен, что он – самый близкий друг. И провести вечер с другом перед телевизором – это порой даже лучше, чем секс или крутая тусовка.

Так что до конца тренировки я остаюсь в хорошем настроении.

Майки листает каналы с бешеной скоростью и стонет.

– Ни хрена нет интересного. Долбаный Netflix.

Я смеюсь. Мы уже посмотрели несколько эпизодов «Викингов» и теперь наш боевой дух на высоте. На экране появляется какая-то розовая заставка, и глупая песня заполняет гостиную.

– Что это? – морщась, спрашиваю я.

Майки кидает мне еще одну банку пива и удобно устраивается на диване.

– Какое-то шоу.

Я ненавижу ток-шоу на самом деле. Все эти их тупые мысли за кадром, когда они, сидя на стуле, комментируют происходящее на экране.

Видя мое лицо, Майки усмехается.

– Да расслабься. Мы просто оценим сиськи и вырубим.

О, да понятно. Это модельное шоу.

– Смотри. – Майки с энтузиазмом тычет пальцем в экран. – Блонди, брюнетка ммм, я бы не смог определиться.

Я даю ему пять и усмехаюсь:

– О, да сложный выбор.

Девушки на экране сменяют одна другую, я не понимаю, о чем они трюндят, я только люблюсь кое-какими прелестями, какие вообще возможны у моделей.

– Оу, а вот и рыженькая, – стонет Майки.

Мой взгляд фокусируется на девушке, которая что-то говорит, но я лишь смотрю на ее волосы. Тот же цвет. Почти. Но нет этих глаз, которые странным образом, я не могу выкинуть из головы.

Да, я думал о ней все эти дни и не мог с этим ничего поделать. Она цепляет глаз. И пока только это. Я могу увлечься, но здорово обожгусь, в этом я уверен и не собираюсь ради интрижки ставить под очередной удар наши отношения со Спенс.

Только не с Линдси. Она меня затянет.

– Ты меня слышишь? – Майки почти кричит мне в ухо.

– Да, черт возьми! Но повтори.

Майки хмыкает.

– Я спрашивал, что ты думаешь на счет новенькой? Линдси.

Хочу ли я о ней говорить своему лучшему другу? Да и что говорить, собственно. То, что я ее хочу? Ее хочет добрая половина кампуса.

– Горяченькая, – небрежно отвечаю я.

– Да ты шутишь. – В тоне друга неодобрение. – Она бомба.

Точно. Да от одной мысли о ней, мои яйца становятся тяжелыми. Я должен поддакнуть и согласиться с Майки. Но мне почему-то не по себе. Мое влечение к ней трудно назвать просто похотью.

– Клэй, я не узнаю тебя, – серьезно говорит Майки.

Вот этого мне не нужно. Поэтому я собираю всю свою волю в кулак.

– Майки, дружище, ты же знаешь, что я бы с удовольствием перепихнулся с этой цыпочкой, но...

– Спенсер, – понимающе качает головой Майки. – Я и забыл, что ты на праведном пути. – Он смеется над своей шуткой. – Но вопрос был в том, хочешь ли ты ее. Так что, все ясно.

Конечно, хочу. А кто не хочет?

Но мне не нужно, чтобы это поглотило меня. Мне приходит бредовая мысль. Меня это бесит, и я этого не хочу. Но все-таки может сработать.

– Так склей ее сам, – безразличным тоном говорю я. – После игры, на вечеринке.

Майки смотрит на меня с подозрением. Он не дурак, но я постараюсь убедить его, что не особо заинтересован в Линдси.

– Что? В чем проблема?

– В тебе, – спокойно отвечает он, и мое сердце делает скачок.

– Причем здесь я?

– Она хочет тебя.

Я это знаю.

– Все меня хотя. Ну ты посмотри на меня. – Я игриво провожу рукой по своей груди.

Майки тычет кулаком меня в плечо и начинает смеяться.

– Ублюдок. – Он снова смеется, затем говорит серьезнее: – Не знаю, к добру это или черти знает к чему, но эта девчонка не на один раз.

Твою мать, как же он прав.

– Это проблема? – Я делаю глоток пива, потому что понимаю, что мой голос начинает пропадать. Я хочу и не хочу, чтобы мой друг трахал Линдси. Хочу, потому что, *возможно*, всего

лишь возможно, я избавлюсь от мыслей о ней, зная, что в ней побывал член моего лучшего друга. Не хочу, потому что сгораю от желания, чтобы внутри нее был только *мой* член.

Но я повторяю словно мантру, что это не стоит того. Это пройдет.

– Думаю, нет, – подумав, отвечает Майки. – Я заставлю эту куколку забыть о твоём присутствии. – Он играет языком, а я изображаю рвотные позывы.

Пока мы смеемся, телефон Майки издает сигнал, и я вижу на дисплее имя Молли.

– Для начала избавься от этого, – поучительно говорю, кивая на его телефон.

Майки фыркает и, печатая в телефоне, говорит мне:

– Это я не контролирую. И вообще, что такого иметь нескольких? Ты говоришь так, будто я путаюсь только Молли.

Действительно, это звучало именно так. Майки не связывает себя отношениями, и интрижка с Молли – это лишь одна из многих вещей, которые происходят в его жизни. Сексуальной жизни, имеется в виду.

Меня ведь не волнует, что Линдси будет одна из них? Ведь именно на это я и намекал Майки.

– Кончай строить из себя святого, – смеется он. – Больше месяца спишь с одной и еще и поучаешь. – Он встает с дивана и ищет ключи.

– Вообще-то два года, – исправляю я. Хотя прекрасно знаю, что он имеет в виду.

– Ха-ха, – отрывисто дразнит Майки. – Ладно, монашка, я исчезаю. И не смотри на меня так, я покончу с ней. Скоро.

– Сваливай уже, – отмахиваюсь я.

Майки исчезает, а я откидываюсь на спинку дивана и пытаюсь выбросить навязчивые картинки в своей больной голове.

Вот дерьмо! Я влип.

Думаю, у Майки выйдет. Телки вешаются на него, не задумываясь о последствиях. Яркий этому пример – Молли.

Я не считаю Линдси шлюхой, и вообще кого-либо из девчонок. Это секс. Такова природа. Кто-то занимается им по любви, кто-то ради удовольствия, кто-то по обеим причинам. Суть не меняется. Трахаются все, и кто я такой, чтобы кого-то судить.

Если Линдси будет спать с Майки, я не обвиню ее в чем-либо и не разочаруюсь на ее счет. Я просто надеюсь, что мой интерес к ней пропадет.

В этом состоит мой план.

Глава 10

Линдси

В пустом зале я слышу эхо собственных шагов, когда вхожу в него. Проходя мимо этого класса по коридору, меня привлекла открытая дверь, а за ней фортепиано. Оглядевшись, я замечаю, что совершенно никого нет, это очевидно, ведь сейчас идут занятия. Я давно заметила, что на каждом факультете стоит по несколько инструментов, не только в музыкальном корпусе.

Меня манили эти клавиши, но я почему-то сдерживалась. Никогда не видела себя в будущем музыкантом, но эти звуки, которые выходили из-под моих пальцев всегда завораживали.

Мой брат был музыкантом. С пяти лет он начал посещать музыкальную школу и с тех пор до самой его смерти, он не переставал играть. Все были уверены, что он бы смог стать великим композитором. Как Бетховен.

Я улыбаюсь этой мысли. Когда я нашла его произведения, я была поражена, насколько Рональд был талантлив. Играя его музыку, я всегда чувствовала, что знаю его. Порой мне было плохо от мысли, что я никогда его не увижу. Но если бы мы знали друг друга, мне бы было намного хуже, когда он умер. Но есть еще одна сторона нашей истории с братом: меня бы не было, если бы не его гибель. Наши родители не хотели еще детей. И как бы это ни звучало, смерть брата подарила мне жизнь.

Пальцы сами касаются лакированной поверхности уже изрядно потрепанного пианино. Но оно настроено и главное то, что оно извлекает, а не как выглядит. От мягкого касания моих пальцев выходит звук. Мое сердце начинает биться быстрее, я сажусь на мягкий стул и начинаю перебирать клавиши.

Это прекрасно.

И вот я уже забыла, где нахожусь, и кто я такая, потому что мои пальцы воспроизводят мелодии Рональда.

Когда я заканчиваю, то слышу чье-то дыхание. Повернувшись, я натываюсь на пристальный и заинтересованный взгляд голубых глаз.

– Извини, я не хотела мешать. – Девушка заправляет темную прядь за ухо и смущенно улыбается. – Я проходила мимо и услышала, как ты играешь. Это просто превосходно.

– Спасибо. – Мне кажется ее лицо очень знакомым.

– Ты с музыкального? – робко спрашивает она, прижимая к себе большую стопку книг.

– Нет, – я отрицательно качаю головой. – Психология.

– Не может быть, – искренне удивляется она.

Я пожимаю плечами, не зная, что на это ответить. Если я умею играть, это не значит, что хочу и должна этим заниматься. Это слишком сложно объяснить.

– Ладно. – Она переминается с ноги на ногу. На ней милое цветное платье, и она так забавно поджимает губы, очевидно, смущаясь задать следующий вопрос.

Я беру инициативу на себя и, встав со стула, протягиваю ей руку.

– Линдси. Я перевелась в Кроун в этом году.

Она улыбается и пожимает мою руку.

– Спенсер. Изучаю педагогику, это мой последний год.

– Очень приятно. – Наверное, моя улыбка сползла с лица, когда я поняла, кто это.

Я не хочу с ней знакомиться и тем более, попадать под ее милое очарование. Это глупо, но не хочу.

Она видимо замечает мое странное выражение лица и указывает пальцем на дверь.

– Мне пора. Мне тоже было приятно познакомиться, Линдси.

– Э-э, да.

Она снова улыбается и выходит. Я сажусь на стул и громко выпускаю воздух изо рта. Да что со мной такое? Она ведь ничего мне не сделала. Она...

Я трясую головой и достаю телефон из кармана джинсов. Пишу Вэлу, что буду в библиотеке, так как мы договорились выпить кофе вместе. Идти в общежитие я не хочу, а мне нужно написать письмо отцу, как я и планировала. Даже мысль о том, чтобы написать ему приводит меня в какой-то трепет.

Университетская библиотека Кроун – самое внушающее здание во всем кампусе. Войдя сюда, будто попадаешь в какой-то святой собор. Бесконечные высокие арки ведут в различные отделы с тысячами книг, резной потолок имеет форму купола, а из высоких арочных окон льется свет, освещая идеально чистые стеллажи. И все та же сцена, что и на улицах – студенты спят на лавочках, воткнув в уши наушники.

Я прохожу налево, в помещение, где стоят компьютеры и где более оживленная атмосфера, потому что здесь уже действительно занимаются. Войдя в свою почту, я начинаю писать отцу, надеясь, что он ответит или хотя бы позвонит. Конечно, я бы могла сама купить себе машину, но сомневаюсь, что мой трастовый счет, который мне снова открыли, не контролируется. Я просто хочу убедиться, что отец не забыл обо мне. Он не оставил меня без денег, но мне нужно знать, могу ли я позволить себе машину.

Когда последнее слово напечатано, я нажимаю «отправить» и перевожу дух. Вэл появляется в ту же секунду, как будто караулил, когда я закончу.

– Как на счет пляжа? – улыбаясь, спрашивает он, протягивая мне дымящийся бумажный стакан из «Старбакса».

Я благодарно улыбаюсь и делаю обжигающий глоток.

– Я за. Но мне нужно доделать кое-что.

– Не вопрос. – Вэл вытягивает длинные ноги и размещает их на соседнем стуле. – Я пока посмотрю сериал. – Он достает планшет и надевает наушники. На экране появляется красивая заставка, и я любопытствую:

– Что это?

Вэл ставит паузу и, сняв один наушник, поворачивается ко мне. Он смотрит на меня как на идиотку.

– Что? – резко спрашиваю я.

– Ты не смотрела «Игру престолов»? – спрашивает он.

– Э-э, нет.

– Вот дерьмо, – выплевывает Вэл и садится в нормально положение. – Я знаю, что такие люди существуют, мне нужно исправить это.

Меня забавляет его реакция.

– Если ты не забыл, я из той семьи, в которой отводилось определенное время для просмотра сериалов.

Хотя если учесть месяцы, проведенные с Николасом, я бы могла подсесть на какое-нибудь шоу. Но я даже не включала телевизор.

– Да, но... – Вэл чешет затылок. – Ты хоть слышала о нем?

– Ну, да, что-то слышала.

– Это лучшее шоу во всем мире, Линдси. Ты должна посмотреть его сегодня же.

– А как же пляж? – по-детски ною я.

– В любой другой день, – отмахивается он. – Но сегодня мы начинаем твое просвещение по части псевдоисторической культуры.

Его энтузиазм очень заразителен. Здорово так сильно увлекаться чем-то и делиться этой тягой с другими. Со мной никогда такого не было. Я любила лишь музыку, которую сочинял Рональд и ту, которую мне удавалось послушать в свободное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.